

МАРКО ИВАН РУПНИК
« П А Л Е М У Н А Ш Е Ю »
Lectio divina по притче о милосердном отце

Марко Иван Рупник –
иезуит, родился в 1954 году
в Задлоге в Словении.
Изучал живопись в Академии
Искусств и богословие
в Григорианском Университете,
где получил докторскую
степень, защитив диссертацию
о Вячеславе Иванове.
Преподает в Папском
Восточном Институте
и в Папском Григорианском
Университете. Директор
Центра Алетти.

МАРКО ИВАН РУПНИК

«Пал
ему на шею»

Lectio divina
по притче
о милосердном
отце

Москва, 1999

Оригинал:

Marko Ivan Rupnik. «Gli si gettò al collo»

Lectio divina sulla parabola del padre misericordioso. Roma, 1997

ISBN 88-86517-24-6

Centro Aletti © 1997 Lipa Srl, Roma

Lipa Edizioni, via Paolina, 25, 00184 Roma. Tel.: 06 4747770

Русское издание:

Марко Иван Рупник. «Пал ему на шею»

Lectio divina по притче о милосердном отце. Москва, 1999

ISBN 5-900086-04-6

© Паолине, 1999

103050, Москва, ул. Б. Никитская, 26, тел. (095) 291-5005

Изд. лиц. ЛР № 064583 от 14.05.96

Центр распространения:

Магазин «Паолине», 103050, Москва, ул. Б. Никитская, 26

Тел. (095) 291-5005, тел./факс (095) 291-5430, e-mail: paoline@orc.ru

Над книгой работали:

Переводчик Юлия Моспан

Корректор Ирина Клюева

Дизайнер Виталий Колесник

Содержание

Введение	7
Два типа грешников	9
Близкие и далекие	11
Зависть, ропот и грех	14
У некоторого человека было два сына	17
Собрать свое и пропасть	19
Побуждать творение ко лжи	23
От ощущения себя рабом до становления им	28
Парадигма «хозяин - раб»	29
От Адама к Пасхе	31
Видеть себя в этой притче	33
Следуя своей воле	37
От унижения к смирению	40
Пустота обладания	42
Прийти в себя пред лицом Отца	43
Иллюзия возвращения в себя	45
Последнее искушение	48
Религиозное начало	52
Блудный сын сегодня	53
Встретить Отца	57
Позволить любви достичь нас	59
Пал ему на шею	61
Исповедовать милосердного Отца	65
Одетый как сын	67
Радость Бога и сынов	70
Духовность праздника	72
Время быть свободными в вере	74
Драма упрямства	77
Не сын, ибо не свободен	85
Все, принадлежащее Отцу, есть наше	88
Наш Бог – свободное соединение личностей	91

Введение

*Ч*асто случается, что мы, прислушиваясь к своему сердцу и думая о Боге, испытываем неловкость, как будто Бог не доволен нашими решениями, нашей жизнью. Мы чувствуем нечто вроде боязни предстать перед Ним, раскрыть наши тайные мысли и нашу душу, где порой ощущаем даже некоторое удовлетворение от того, что переживаем, думаем и выбираем в жизни. Иногда подобная неловкость вынуждает нас опустить глаза, не идти вперед, перестать задавать вопросы, не поднимать завесы над тайной. Появляется убеждение, что благо есть жить в одиночестве, не веря в Бога, не чувствуя себя из-за этого неловко и не задумываясь, почему так происходит.

Однако мысль о Боге не покидает человека, представление об образе Божьем складывается всю жизнь, вопрос о Нем постоянно тревожит. И только когда мы раскрываем Ему нашу душу, Бог может явить нам Свой истинный образ. Тогда и только тогда отношение человека к себе и своей жизни меняется. Когда мы поймем, что Бог есть милость, любовь, что Он подобен материнскому чреву, которое трепещет за нас, – жизнь превратится в праздник. Мы почувствуем свободу, и на душе у нас станет легко, как от глотка чистого, свежего воздуха.

Дабы увидеть и понять милосердие и благость Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, обратимся

к притче, рассказанной Иисусом, которая стала одной из жемчужин его повествования. Это притча из 15 главы Евангелия от Луки о Блудном сыне или о милосердной любви Отца. Само Евангелие от Луки в церковной традиции называется «Евангелием милосердия», а эта глава – сердце рассказа о милосердии. Задача повествования – раскрыть истинный образ Божий. Грех исказил образ Бога в представлении человека. Человек воспринимает Бога как тщательно ограждающего Себя и то, что Ему принадлежит, Бога не дарящего, а отнимающего, высшего своего соперника. Бог для него является главным препятствием на пути реализации. Таким образом, человек отдаляется от Бога, как бы обращается в бегство пред Ним, оказывается замкнутым и обращенным на себя самого, убежденным, что должен делать все самостоятельно. Доверие Богу кажется ему слабостью, чем-то аномальным, противоречащим инстинктам, поскольку Бог неблагоприятен к нему. Вера воспринимается продолжением детской нужды в матери, оправданием своего нежелания расти, зреть, при потребности быть высоко ценимым, удовлетворенным, вознагражденным...

Два типа грешников

Главным образом существуют два типа грешников. К первому относятся грешники в традиционном понимании: воры, злодеи, уповающие на богатства, предающиеся страстям собственной плоти, гневающиеся, пьяницы, драчуны, убийцы... Их мы видим в начале главы собравшимися вокруг Христа. Они теснятся вокруг Него, чтобы внимать Ему, может быть, потрогать Его или даже только чтобы коснуться края Его одежды. Им знакомы ночь зла, одиночество и глубокое унижение, которое грех заставляет испытывать человека. Грешники такого типа зачастую изнурены своим грехом и больше не переносят даже самих себя. Если какой-то грех и может быть привлекательным, то пребывание во грехе является удушающим. Мы грешим, потому что хотим чего-то достигнуть, что-то доказать, почувствовать. Но каждый раз после грехопадения сердце сжимается еще больше. Мы снова пытаемся грешить, надеясь, подобно Еве, рано или поздно сорвать плод, который откроет наши глаза, чтобы видеть, как видит Бог, чтобы стать подобными Ему. Но каждый раз нас ждет разочарование: это не тот праведный плод, это – яд, после которого остается ощущение горечи. Так становится понятным, почему именно эти люди собираются вокруг Христа. Переживающий ночь греха ожидает зарю,

как потерявшийся в пустыне – воду. Христа называли «другом грешникам» (ср. Мф 11,19; Лк 7,34-35). Он врвался в их одиночество, разбивал их длинные ночи, ел с ними и говорил, что пришел именно ради них, больных, а не ради здоровых.

Другой тип грешников – это те, кто убеждены, что не являются ими. Они считают себя праведниками и не испытывают в сердце жизненной необходимости обратиться. Это люди, которые чувствуют себя в порядке, которые завладели даже Богом, свели Его к некоему закону, обряду, привычке. Придерживаясь определенных ими правил, живя по установленному ранее образцу, они полагают, что оправданы и считают себя вправе судить других согласно их предполагаемому совершенству. Это люди, считающие себя благими в общении со всеми, в том числе и с Богом, но на самом деле совершенно одинокие, замкнутые в своем мировоззрении и самовлюбленности. Думая, что управляют Богом благодаря своим способностям, они лишь сообразовали закон со своими пороками и желаниями, становясь таким образом способными выполнять его; и этот свой грех называют способностью, даже религиозной способностью. На самом же деле они сделали из собственного эгоизма идола, наклеив на него религиозный ярлык. Нет в человеке хуже замкнутости, чем замкнутость ложной религиозности, когда он следует своим желаниям, убежденный, что следует воле Божьей, ког-

да он соблюдает закон, который сам же и установил, но убежден, что тот дан Богом, поддерживая собственное лицемерие демонстрацией целесообразности, разумными оправданиями, влиятельными друзьями и даже благочестивыми мыслями. Это те люди, которых мы видим в начале главы стоящими поодаль, ропшущими и обвиняющими Христа в том, что Он принимает грешников и ест с ними. Это те, к кому Христос обращается с тремя притчами о благодати. Это именно те, кого пастырь оставляет в пустыне и идет искать заблудшую овцу.

Таким образом, первые два стиха главы представляют собой описание в общих чертах человеческой реальности, отмеченной грехом. И в том и в другом видении греха можно узнать каждого человека.

Близкие и далекие

Тлагол “приближаться” подразумевает некую дистанцию. Только дистанция может быть фоном приближения. Чтобы приблизиться, надо чувствовать себя далеким. И поскольку речь идет о Боге и человеке, мы знаем, что человек отдалился от Бога. Адам скрылся от лица Господа (Быт 3,8). И с первых страниц Святого Писания повествуется о Боге, Который пытается сократить дистанцию и уже спускается в прохладу

сада, призывая человека оттуда, где он скрывается. “Адам, где ты?” - спрашивает голос Того, Кто сотворил человека, дабы он стал Его собеседником и обитал в доме Его во все дни жизни (ср. Пс 27,4). Грешник отдаляется от Бога, потому что грех заключается в неправомерности направления, в движении в противоположную сторону, так, что цель остается позади. Приближение в этом конкретном смысле означает *kairos*, что время близко (Откр 22,10), что мессианские времена на пороге. Это есть время благоприятное.

Грешники идут ко Христу, но именно потому, что Он пришел к ним. Бог становится соплебником грешников. Это образ, который не смогла создать никакая философская мысль – ни классическая, ни современная: Абсолют в хрупком, Святой с грешниками, Живой в смерти. Действительно термин “приближаться”, “быть близким” мы встречаем в том *kairos*, в котором Бог – святой, вечный, Господь жизни, Абсолют, то есть свободный, не связанный ничем, не имеющий Себе равных, – предал Себя в руки грешников, ибо грешник приблизился к Нему: «...приблизился предающий Меня» (Мф 26,46). Грешник приблизился, и Бог предал Себя ему, вплоть до того, что сделался жертвой за грех (ср. 2Кор 5,21). Бог вошел в грех грешников. Всякий грешник знает свой грех, ибо грех его всегда пред ним (ср. Пс 50,5), это то, что ему ближе всего. Именно ради этого Бог – чтобы устранить всякую дистанцию, чтобы вновь

пережить близость, задуманную в творении, – входит туда, где человек, как он убежден, может скрыться от Бога, может в одиночестве переживать свою беду, трагическую судьбу своего существования, грех. Человек замкнутый, без личных отношений любви, отданный на откуп вещам, сам ставший предметом торговли в культуре вещей, с трепещущей психикой, полный страха и тревоги, переживает трагическую отдаленность от истины. Поэтому Бог приходит и сокращает эту дистанцию, предавая Себя как предмет, как вещь, как жертву страстей, так, чтобы человек, привыкший владеть вещами, смог Его найти, привыкший любить вещи, смог Его обнаружить, привыкший удовлетворять страсти, обрушиваясь на Христа, смог приблизить Его.

Христос пришел к своим, но свои Его не приняли (ср. Ин 1,11). Но грешники, считающиеся далекими, оказываются по-настоящему близкими. Действительно, мы видим их прямо у ног Христа. Кто знает сегодня, когда так часто говорится о “далеких” от Церкви, кто является действительно близким!..

Зависть, ропот и грех

Уменно Его народ, те, кто ожидал Его, были не только далеки, но и роптали на действительно близких. Фарисеи – совершенные и ревностно соблюдающие закон, то есть книжники, те, кто хранит Слово Божье... Это означает, что те, кто думал, что знает Писание, не знали его, и те, кто полагал, что применяет его в жизни, не применяли. Уже Исаия писал, что *непокорные научатся послушанию* (ср. Ис 29,24). И здесь мы видим, что именно Христос преподает этот урок. Ропот фарисеев является своего рода упреком Христу. Они не переносят его милосердия. Но милосердие есть имя Бога (ср. Пс 59,18; Прем 9,1; 2Кор 1,3), это Его деяние, которое простирается в роды родов (ср. Лк 1,50). Но почему же так знающие Слово не узнают Лицо этого Слова? Почему гордящиеся буквальным соблюдением закона не милосердны, как милосерден Господь? Почему их так раздражает, что Христос общается с грешниками? Почему человеку больно видеть, что другой любим? Возможно ли, чтобы любовь вызывала ненависть, а благость – суд? Что же должно быть в сердце человека, чтобы, видя любовь, он не радовался, но огорчился? Зависть должна быть реальностью очень глубокой и крепко связанной с корнями греха, если через нее смерть вошла в мир (Прем 2,24). Завистью был

совершен грех, а предполагаемые мудрецы и религиозная власть из зависти предали Христа в руки грешников.

Ропот – это тяжкий недуг в духовной жизни. Ворчание на братьев или из-за братьев всегда есть суд над Богом, точнее, над Его любовью. Подобную сцену мы найдем в 7 главе Луки, где Христос осуждается фарисеем Симоном за его доброе отношение к публичной грешнице. То, что Христос позволяет грешнице прикасаться к Себе, для Симона уже достаточный повод, чтобы сомневаться во Христе как в истинном пророке. Если бы Он был им, *то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему* (Лк 7, 39). Но Симон не знает, что Христос видит сердце сокрушенное и новую женщину. Симон судит по внешним признакам. Проститутки узнавались по одежде, украшениям. Христос же видит новое сердце, возрожденное самим Его взглядом. Симон судит по прошлому: он знал, что эта женщина грешница. В городе все это знали. Но он не способен увидеть обращения, новизны, причиной которой стала встреча со Христом, которого он сам пригласил в свой дом, но не встретил. Можно пригласить Христа, быть с Ним, но при этом не встретить Его. Симон подвергается жесткому сравнению: Христос сопоставляет его с проституткой. Только это сопоставление еще более тонкое: Христос превозносит то, что сделала проститутка, как она приблизилась к Нему, и шаг за шагом показывает фарисею,

что он сделал намного меньше, чем она, не соблюдавшая даже то, что установлено законом. И вот ропщущий получает урок. И урок этот состоит в сравнении с теми, на кого он ропшет. Этот ропот является негативным отношением, которое, в отличие от них, не позволяет ему встретиться со Христом.

Здесь на заднем плане наблюдается абстрактное, теоретическое, легко извращаемое знание Господа, которое может дьявольски превратиться в суд над Богом. Это знание, являющееся рабом собственных категорий, собственного рассуждения, не достигает порога логики братской любви и милосердия. Усматривается и близкое знание, обретенное на опыте, в котором именно на прощении основываются мысль и логика премудрости, способные признать Бога и жить с Ним. И сразу же, в начале главы, становится ясно, что грех не определяется одними поступками человека, но вовлекает прежде всего его разум, его мысли. Существует мировоззрение, своего рода идеология, система мысли, которая препятствует познанию Бога. Существует логика, которая не позволяет любить и, следовательно, это логика шизофрении. Нельзя думать определенным образом, а затем пытаться творить добро и любить. Думать, не любя, уже грех. Грехом является отделение разума от любви. Это – препятствие на пути истинного познания, как человеческого, так и Божественного. Разум, отмеченный грехом, уже есть

невозможность точного познания. Философия, являющаяся плодом не очищенного, не проникнутого любовью разума, заводит в тупик. Но как сильно беспокоит нас сегодня очищение разума?

У некоторого человека было два сына

«Еще сказал:

*"У некоторого человека
было два сына"» (ст. 11).*

Двое – это начало множества, то есть человечества, человеческого рода. Но это и начало различения. Один и двое. Мы, таким образом, уже определяем всю проблему человеческого существования и, следовательно, проблему разума: как разрешить единство и множество, единое и многочисленное. В Библии мы всегда сталкиваемся с началом различения: два сына – Каин и Авель, два брата – Исав и Иаков, две жены – Агарь и Сара. В этих парах усматривается некоторая антиномия, приводящая порой к определенной схеме представления, согласно которой один благословен – другой нет; один свободен – другой раб; один жив – другой убит. Но в нашем случае два сына означают не только это. Да, мы видим своего рода начальное различие – один покидает дом, а другой остается; один распушенный человек, а другой раболепный, – но

акцент здесь ставится на том, что у некоторого человека было два сына. Таким образом, различие будет состоять, прежде всего, в том, каким путем они придут к пониманию того, что являются сыновьями, следовательно, к познанию отца и того, что они братья. С одной стороны, целью этой диады является третий – отец, его достижение, с другой стороны, цель состоит в доказательстве того, что они братья, в достижении друг друга. Этим в притче сразу же подчеркивается, что взгляд на свою собственную жизнь зависит от восприятия отца, то есть Бога. Никакое отношение нельзя замкнуть на взаимоотношении «я – ты». Обязательно прорывается его источник – Отец, то есть «мы». Сложившийся образ Бога определяет наше положение, а на основе нашего положения устанавливаются также отношения с другим. Открыть для себя другого как брата возможно только тогда, когда мы обнаруживаем, что являемся сыновьями. Кто не знает отца – не знает брата. Кто не признает брата – не открывает отца и не знает, что является сыном. То есть не знает, что существует. Эти два простых слова – «отец» и «брат» – подводят нас к краю самой глубокой бездны человеческой драмы: межличностным отношениям. Действительно, взаимоотношения являются сферой самых сильных страданий и самого большого счастья, это – место смерти и воскресения, место осознания собственной личности, место, где мы становимся тем, чем в конце концов будем. Человек

становится тем, чем он является среди других. Вне отношений практически мы больше не существуем. Человек знает, насколько он живет по тому, насколько глубоки его встречи. Жизнь отношений, встреч – это вкус, цвет и сама суть человеческой судьбы.

Содрать свое и пронасть

«Сказал младший из них отцу: "Отче! Дай мне следующую мне часть имения". И отец разделил им имение» (ст.12).

*М*ладший сын является здесь началом мятежа и восстания. Мятеж заключается именно в том, что человек требует для себя что-то, берет себе часть, отрывает ее от целостности и властвует над ней по своей воле. Одностороннее утверждение своей воли – это начало мятежа.

Имение здесь называется греческим словом *ousia*. Этот термин напоминает о целой большой главе в богословских размышлениях первых веков: *ousia* и *ipostasi* – слова, которые будут применяться для объяснения богословского значения личности. По существу они означают, что личность, с одной стороны, есть нечто уникальное и неповторимое, а с другой – нечто объективное по своей природе,

общей для всего рода человеческого. В личности есть нечто, что преобразует все в любовь, что на все может наложить отпечаток любви. Любовь всегда имеет личностный облик. Любовь незаменима. В этом смысле любовь всегда действительно личностная. Но персонализирующее начало, агапическое начало любви, нуждается в субстанции (*ousia*), которую нужно персонализировать, которая должна быть поглощена личностью. В то же самое время эта субстанция является сферой, где реализуется персонализирующее начало. Мы можем видеть это именно в творении: Бог сотворил мир и вверил его человеку, дабы человек включил его в свою ипостась, в свою личность. Человек свершается в мире, персонализируя его, накладывая личностный отпечаток на творение. В то же самое время творение – это сфера реализации человека. Это же самое начало мы можем видеть внутри самого человека, ибо человек – это личность с персонализирующим, агапическим началом любви, неповторимая, но вместе с тем образованная его природой, являющейся, как мы уже сказали выше, общей для всего человечества. Человек реализуется в своей природе, но в то же самое время эта общая, присущая всем людям человеческая природа в конкретной личности персонализируется и на нее накладывается совершенно личностный отпечаток.

Итак, в евангельской притче младший сын требует свою *ousia*, нуждается в части мира только

для себя. Главная трудность заключается в том, что человек, как тварь, не имеет в себе неиссякаемого источника личностной любви, которой можно персонализировать мир. Человек может персонализировать, может поглотить мир в процессе персонализации, только если он устремлен к своему Прообразу, который есть Отец, Творец. Человек есть личность в силу того, что он сын Отца. Только в направленности к Отцу и в единении с Ним сын может реализовать самого себя в мире и персонализировать мир, который ему принадлежит. Человек – это образ Божий, онтологически связанный со своим Прообразом, своим *оригиналом*. Поэтому спасение будет заключаться именно в усыновлении в истинном Сыне, от Отца рожденном. В Нем мы сможем персонализировать творение, нашу человеческую природу, соразмеряя ее с образом Сына. Отделяясь от Него или восставая против Него, человек встает на трагический путь. Полагая, что он может, как сотворенная личность, заменить собой личность несотворенную, человек подвергается опасности онтологического потрясения, то есть потрясения именно в сфере бытия.

Действительно, здесь мы видим, что сын берет свое, свою *ousia*, или, если хотите, даже самую свою природу и уходит в *дальнюю* страну, что является синонимом поиска реализации согласно собственной воле в том, что ему принадлежит, и

посредством этого. Но сын может реализовать себя только как сын, то есть в отношении с отцом.

Самореализация согласно собственной воле, вдали от отца – это реальность греха. Желание реализовать себя во владении имением, утвердить собственную волю над творением соответствует тому, что змей нашептывал на ухо первому человеку: «*Будете подобны Богу*» (ср. Быт 3,5). Для человека чувствовать себя творцом – это значит исполнять свою собственную волю. Бог есть Любовь, есть Троица, Он свершает Свою волю в общении Пресвятых Лиц. Сама воля Божья есть Любовь. Реализованная Любовь есть исполненная воля Божья. Но грешник, односторонне утверждающий собственную волю, составляя против единения с Отцом, ставит себя вне любви. Реализовывать собственную волю означает реализовывать самих себя вне любви. Любовь – это общение, направленность к другому, существование вместе с другим. Младший же сын как раз рвет отношения с другим, отказывается от единения. Поэтому он исполняет свою волю вне любви. Следовательно, она приведет к гибели. Утверждение собственной воли вне любви есть грех, то есть смерть. Поэтому он не сможет персонализировать даже имение действительно в любви – агапэ. Это означает, что имение, которым он завладел, не пойдет ему на пользу, оно не укрепит его личность, оно не будет усвоено в агапэ, и он не реализует, но потеряет себя в нем. Творение существует не для того,

чтобы им обладать. Обладая им, мы лишаем его истинности и его целей. Св. Павел говорит, что тварь стенает, покоренная смерти, и *ожидает откровения сынов Божиих* (ср. Рим 8,19). Творение, которым завладело начало самоутверждения, становится рабом и не может жить своей истиной, состоящей в любви, которой и ради которой оно было создано.

Подуждать творение ко лжи

«По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю страну и там расточил имение свое, живя распутно» (ст. 13).

В притче рассказывается о том, что младший сын *собрал имение свое*, и в той же фразе добавляется, что *он расточил его*. Действительно, сотворенная личность может собрать имение и привести его в соответствие с любовью-агапэ только в отношении с несотворенной Личностью, то есть с Творцом. Кто не собирает с Ним, тот расточает (ср. Мф 12,30). Человек, который отказывается от любви ради самоутверждения, не может собирать. Человек, который овладевает имением по своей воле, не может собирать, поскольку в нем

осуществляется начало мятежа. Начало обладания, овладения не является началом общения и гармонии. “Экономическое” начало, которое мы усматриваем в желании обладать по своей воле, не является началом общения. Создавать “экономическое” единство – это как придавать форму квадрата кругу, то есть означает создавать так называемое единство крайне хрупкое. “Экономическое” единство, как правило, приводит к дискриминации и поэтому распадается. Имущество, собранное на основе принципа самоутверждения, обязательно расточается, растраниживается.

Кроме того, в “экономическом” единстве самым важным является не личность как таковая, и даже не имущество, а утилитаристское, удовлетворенное обладание им. По этой причине ясно, что мы заботимся о как можно более широко простирающемся благосостоянии, охватывающем как можно больше людей, потому что чем больше удовлетворенных людей, тем больше согласия; но в то же самое время приносятся в жертву многие стороны личности ради престижа овладения и обладания. Человек, желая собрать собственное имение для себя, чтобы делать с ним все, что он хочет, подчиняет ему себя самого.

Даже если мы посмотрим на человека, образованного этим неразделимым единением между персонализирующим началом и человеческой природой, мы увидим, что грех позволяет природе господствовать над всей личностью. Действительно,

личность удушается общими потребностями природы, пораженной грехом, следовательно, подчиняется страстям, которые господствуют над агапическим личным началом. И это рассеивание личности в пораженной человеческой природе, это рассеивание в страстях подобно своего рода клише многих явлений в различных областях, сферах личной жизни, жизни социальной и культурной.

Во грехе Адама человек, вместо того чтобы сохранять свою направленность к Творцу, к своему Пробразу, устремляется к дереву, то есть к предмету, и ждет от него, что станет подобным Богу. В начале этой притчи предлагается тот же самый образ. Сын нарушает гармонию отношений, устремляется к имению, полагаясь на него, возлагая на него все свои надежды этого магического ожидания того, что он станет хозяином.

Человека вследствие греха охватывает безудержная страсть быть хозяином, управлять, не оглаживаясь на другого. Но поскольку он является образом, который обязательно ориентируется на Пробраз, эта страсть означает предательство самой его сущности. Человек предает самого себя, когда не соизмеряет, когда разрушает основополагающее отношение, то есть отношение со своим Пробразом. Человек, ориентированный на имущество, желающий быть источником и центром всецелого управления им, предает свою истину. Теряя основополагающую связь, человек не может создать с

имуществом мир отношений. И имущество – поскольку не будет выполнять функцию человека, его отношений – не станет благом для него. Человек не сможет установить и воплотить в имуществе и посредством его и межличностные отношения. Имущество не будет причастно к его отношениям любви. Таким образом, в том, как он использует его, как в зеркале отражается то, как он использует себя самого. Так, как он расточает имение, таким же образом он расточает самого себя. Действительно, в Библии говорится, что он жил *распутно*. Греческое слово «распутный» указывает на развращенное поведение, на нечто порочное. Распутный – это своего рода распушенный человек, который может позволить себе жить, даже идя против течения, установленного творением. Тогда становится еще более очевидным, что отдаление от отца, самоутверждение себя в вещах означает для человека выпадение из истинности самого творения. Поэтому человек гибнет в вещах, которым он служит, полагая, однако, что они служат его воле. Человеку распутному в Библии противопоставляется *праведник*, то есть человек мудрый. Начало премудрости в страхе Господнем (ср. Сир1,12), что практически означает даже не допускать мысль, что есть что-то важнее Самого Бога, не допускать мысль, что что-то другое является Богом, если не Сам Бог. Только Бог есть Бог, и вне Его для человека нет смысла. Поэтому жить с Богом означает

жить в собственной истине, а служить Богу означает служить самим себе. Признавать превосходство воли Бога и обретать самих себя во всем том, что Бог любит, желает и творит. Служение самим себе, напротив, приводит к тому, что мы теряемся во всем том, над чем, как мы полагаем, господствуем. Это и есть *распутство*. Человек сжимает в кулаке имение свое, но наступает день, когда он замечает, что оно сгнило из-за его эгоизма, и ветер развеял его как прах. Поэтому страсть мимолетна.

Действительно, младший сын, охваченный этой страстью мятежа, поспешно покидает дом.

Когда в Библии встречается указание на время, такое как *по прошествии немногих дней*, это означает выражение поведения человека посредством времени. Здесь мы наблюдаем спешку: сын собирает свое и, не прощаясь, уходит.

От ощущения себя рабом до становления им

*«Когда же он прожил
все, настал великий
голод в той стране, и он
начал нуждаться» (ст. 14).*

Отчий дом младшему сыну кажется слишком тесным, ограничивающим его свободу, а отца он воспринимает как хозяина. Поэтому он уходит. И здесь есть некая странная ирония. Он покидает дом, потому что воспринимает отца как хозяина, в то время как сам хочет быть хозяином своего имени. Его желание быть хозяином, замысел, который заставляет его вести отвратительную жизнь против истины, приводит к уничтожению имени. Хозяин теряет свое имущество, и, следовательно, перестает быть хозяином. Он доходит до того, что становится рабом хозяина в чужой стране, далеко от отца. Он хотел быть хозяином, покидая дом “хозяина”, а в итоге испытывает голод. Ныне он сам, хозяин, испытывает нужду. Греческое слово “нужда” выражает именно недостаток еды, то есть ему нечем было питаться. Это первый образ смерти. Что же он тогда за хозяин, если его имя доводит его до нужды? Нужда заставляет этого сына стать на самом деле рабом. В доме отца он себя рабом

чувствовал – сейчас он на самом деле стал им. Имя, которым он хотел управлять по своей воле, доводит его до того, что он покоряется нужде, до того, что он вынужден служить чужеземному хозяину.

Парадигма «хозяин - раб»

*«И пошел, пристал к
одному из жителей
страны той, а тот послал
его на поля свои пасти
свиной» (ст. 15).*

Здесь мы сталкиваемся с парадигмой «хозяин-раб». Даже на поверхностном психологическом уровне мы констатируем, что в процессе роста детей наступают моменты бунта, своего рода “хлопнуть дверью” перед родителями, для того чтобы самоутвердиться. Но подростковый путь самоутверждения завершается, и дети приходят к более зрелым взаимоотношениям с родителями. Этот привычный аспект человеческого созревания тоже указывает на архаичное клише, которое образует своего рода парадигму для человека. Кажется, что быть сынами отца – это самая трудная реальность. И вовсе не согласно психологическому или психоаналитическому аспекту, который, во всяком случае, остается поверхностным. Я говорю как раз в строго богословском

смысле. Кажется, что грех настолько трагически затронул истину человека, искажая образ Бога как Отца, что практически вся жизнь человека может рассматриваться как этот трудный путь обретения своей истины сына в свете истины Бога как Отца. Если мы обратимся к Святому Писанию, то увидим, что все оно направлено к имени Бога, произнесенному Сыном в Гефсимании: Авва. В то же самое время вся Библия показывает человеческую драму всех поколений, причиной которой является то, что человек не воспринимает себя как сына, и Библия указывает: спасение заключается именно в том, что истинный Сын Божий, не сотворенный, но рожденный от самого Бога, приходит как человек, чтобы быть сыном, и что в Нем открывается для людей путь родства. Всю Библию можно толковать как медленный постепенный и полный драматизма переход от рабства к свободе, от рабов к сынам. Еще сегодня реальностью, которую нам труднее всего открыть и переживать в Церкви, является именно свобода сынов Божьих. Человек постоянно стремится создать условия рабства, рабства собственных идей, теорий, структур, законов, правил... Как будто в нас с рождения заложен невольный страх быть сынами и быть свободными. Дьявол страха держит человека в рабстве (ср. Евр 2,14).

От Адама к Пасхе

Таким образом, в парадигме «хозяин-раб» мы видим тот путь, который проходят Адам и его потомство после грехопадения: человек оставляет Бога и становится рабом Его заменителей, им самим же созданных, он производит идолов и затем верно им служит. Человек полагает, что, если он не служит Богу, но ставит себя самого в центр жизни, он становится свободным. На самом же деле он превращается в раба собственного творения. Он создает собственные системы, свои убеждения и безоглядно прилепляется к ним. Таким образом, он становится рабом своих непоколебимых истин. Есть трагическая ирония в убежденности человека в том, что он, однажды отдалившись от Бога, становится свободным. В отдаленности от Бога не существует ничего иного, как рабство самих себя, что является настоящим голодом. Сколько крови было пролито из-за человеческих идолов, из-за установленных схематических понятий, которые человек объявляет вечными! Сколько раз брат заносил нож над братом из-за рабского подчинения установлениям, им же самим выдуманным! Человек оставляет Бога, будучи убежден, что что-то выигрывает, отдаляясь от Него, и не замечает, как падает его цена и он сам становится менее важным, чем понятия, представления, законы, которые

он установил. Будучи свободным, он ставит себя в центр всего, но в итоге центральное место занимает то, что он произвел. Вследствие этого он превращается в идолопоклонника собственных произведений. Запрет прикасаться к плодам дерева, растущего в Эдемском саду, вырождается здесь в запрет, который человек налагает на то, что он сам произвел. То, что человек изобретает, создает – неприкосновенно. Кто же прикасается – должен умереть. Великая ирония конца пути по парадигме «хозяин-раб» – смерть. Адам укрывается в могиле. Могила, царствие мертвых – это место человека, который стремится односторонне утверждать собственную волю. Смерть – это имя, которое человек берет для себя. Отдаленность от Бога кажется уже окончательной, отдаленность от отца невозможной. Это расстояние будет преодолено только потому, что Бог Отец пошлет Своего истинного Сына, который сойдет живым в могилу, сойдет живым в царство мертвых. Дистанция будет сокращена благодаря жесту безграничной любви Бога. Бог в Сыне Своем станет тем именем, которое человек просит для себя, дабы управлять им по своей воле. Действительно, мы, люди, распорядились судьбой Христа по нашей воле, по воле извращенного поколения. Христос, умерший от рук людей, является именно тем именем, которым человек овладел. Христос живой, воскресший с человеком-грешником в своих руках, является именно тем Сыном, который возвращается с братьями к Отцу.

Видеть себя в этой притче

В этой парадигме «хозяин-раб», «отец-сын», мы усматриваем также путь нашей истории. Вспомним первую евангелизацию: с каким энтузиазмом утверждалось христианство в Европе! Было что-то всеобъемлющее в этом начале. Все было вовлечено в поле зрения христианской веры, и определенное христианское видение вошло во все. В период средневековья *societas christiana* охватывала все стороны жизни. Даже одно и то же лицо было и епископом и графом.

Но в этом всеобъемлющем пространстве, в котором зачастую совпадают Церковь, политическое и культурное установления, человек начинает чувствовать принуждение, недостаток свободы. Действительно, господствующая религия уже не воспринимается как таковая. Человек начинает искать пространство, чтобы бежать из под этого свинцового колпака, начинает обращаться к культурной памяти, апеллировать к другим культурным эпохам. Возвращается тоска по великой греческой культуре, культуре, обращение к которой становится мифом, способным вдохновить всю цивилизацию. В итоге исторический процесс переворачивается, и начинается движение главным образом антихристианское. Абсолютизирующий теоцентризм все больше заменяется антропоцентрическим

видением, утверждением человека, как теоретическим, так и практическим. Создаются парадигма, основанная на автономии, на независимости, общество и порядок, основанные на рациональности и несомненной ценности человека. Подобно младшему сыну, европейская культура начинает все смелее идти по пути, независимому от Церкви. Однако этот путь, как путь младшего сына, уводит очень далеко, туда, где мы начинаем испытывать унижения. То, что человек производит в своем превосходстве, оборачивается против него, культура и само общество, созданные человеком, превращаются в место страдания. Даже земля, которой человек наносит раны, восстает и становится непригодной для жизни. На закате современной эпохи мы начинаем замечать, что встали на неправильный путь, устремились к ошибочной цели. Во имя человека, во имя великих гуманистических идеалов совершаются убийства. Современная цивилизация доходит до того, что смакует смерть. Человек, воспринимая Бога как хозяина, в своем отдалении от Него уступает искушению заменить Его собой. Он, преодолевая образ Бога-хозяина, должен идти дальше, к открытию Его как Отца. Но место Бога занимают отвлеченные идеи (например, прогресс, свобода...), становящиеся также богами, которым покоряются как Богу-хозяину, от которого бежали. Таким образом, мы всегда следуем логике «хозяин-раб».

Сегодня мы испытываем голод – современный человек со своей культурой пожирает плоды распутной жизни. Мы переживаем своего рода конечную стадию стольких устремлений. Многие теряются в бесполезных спорах о том, был ли этот исторический путь положительным или нет, перечисляя хорошее и плохое как в первом, так и во втором тысячелетии. Ведутся сравнения и подсчеты. Но я не думаю, что это – наша задача. Скорее притча, над которой мы размышляем, дает нам возможность духовно толковать этот путь. Мы увидим в ней, что эта вторая стадия, стадия отрицания Бога, удаления от него, в своей основе является путем созревания. После исторического периода главенствующего положения религии наступает период секуляризации, после монашеской стадии, наступает стадия мирская, но все это ведет к более глубокому познанию истины. Младший сын должен стать блудным сыном, должен растратить все и затем стать рабом, чтобы признать, что его отец не хозяин, а истинный отец. Этим мы не хотим сказать, что, чтобы спастись, обязательно нужно *до конца испить чашу*. Это лишь говорит о великой тайне роста человека: с духовной точки зрения, то есть в глазах Бога, даже глубочайший грех может быть обращен в сознательное соединение с Ним. Из поколения в поколение человечество должно двигаться по волне параболы, чтобы все в большей мере обнаруживать: Церковь существует не для царствования над миром, а чтобы благословлять, освящать, любить и просвещать его. Кажется,

нельзя избежать глубоких унижений, чтобы признать ошибочность отправной точки, признать, что Бог, как мы Его понимали, – жесткий, суровый, ограничивающий, соперник человеку – не есть истинный Бог. В Библии мы видим, что должны были смениться многие поколения, совершено много ошибок и грехов, пролито много крови, чтобы прийти к пониманию того, что Бог есть Отец и Любовь. И это остается парадигмой до конца времен. Понимание во Христе, Духом Святым, что Бог есть наш Отец, ибо Он – Отец Господа нашего Иисуса Христа.

Человек – это живой организм, как и человечество в своей совокупности. Поэтому мы не должны смотреть на историю как на точно обозначенные и исторически определенные этапы. История развивается не согласно последовательной логике, но на основе принципа созревания организма, поведение которого становится в какой-то момент не таким, как прежде, что являет также некую свободу роста, определенную непредсказуемость. Поэтому духовное толкование на фоне Священного Писания или богословском фоне премудрости Предания допускает толкование динамическое и органическое, позволяющее избежать идеологизации и строгого схематизма.

Следуя своей воле

«И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи; но никто не давал ему» (ст. 16).

В притче говорится, что младший сын растратил все, то есть израсходовал все. Он собрал то, что ему принадлежало, чтобы покинуть дом и управлять своим имуществом по своей воле, но в итоге он потерял все, и был вынужден пасти свиней чужеземного хозяина в дальней стране. Однобоко исполнять свою волю означает растратить все, то есть не иметь ничего, оказаться в рабстве, когда даже свиньи вызывают зависть. Действительно, сын хотел насытиться рожками, которыми питались свиньи. Но свинья – это нечистое животное, символ оскверненного мира, где бесы находят свою обитель (ср. Лк 11,7; Лк 8,32-33). И он, сын, хочет есть то, что ест скот – обитель бесов.

Итак, это *прожил все*, что означает ничего не иметь, испытывать нужду, в Библии иллюстрируется двумя поступками, совершенно противоположными поступку младшего сына. Это случай женщины, которая истратила все свои средства, чтобы помазать Иисуса, и таким образом вновь обрела все,

и вдовы, положившей в сокровишницу храма все, что имела (ср. Мк 12,44; Лк 21,4). Тогда становится очевидным, что использовать все для себя и по своей воле означает расточить все и оказаться в нужде, в то время как использовать все ради любви ко Христу, отдавать все согласно с замыслом и волей Божьей, означает вновь все обрести. У собственности есть только один путь, чтобы оставаться таковой, – это путь любви, ее использование со ссылкой на Бога. Кто персонализирует свою собственность со ссылкой на Бога, на Христа, тот сохраняет ее для жизни вечной, и благодаря этому она сама останется в вечности. Дела милосердия и любви не прейдут, но останутся вечно. Собственность в услужении любви перейдет в жизнь вечную. Но для этого необходимо, чтобы наша воля внимала воле Бога.

Использовать вещи во имя любви ко Христу, то есть любить Христа посредством всех вещей, не означает лишать их других, эгоистично накапливая и тщательно оберегая свое. Располагать вещами по воле Божьей означает включать их в любовь. Бог хочет любви. Дабы человек понял, что он любим Богом, Бог предал все в руки людей, даже собственного Сына. Давать все Богу из любви означает давать это всем, ибо Бог любит всех, дарует Себя всем и хочет любви для всех. Действительно, Его Сын был дарован ради всех и всем. Любить Христа и устремлять все к Нему означает достичь через Христа

протянутые руки всех, даже тех, кто, возможно, нам неприятен, даже наших врагов.

Самое главное – жить по воле Бога, а не просто распоряжаться своей жизнью согласно с более или менее благими мыслями. Действительно, речь идет не о том, чтобы разработать проект, который бы соответствовал некой идее добра. Многие, например, хотели быть совершенно нищими, еще больше, чем св. Франциск, на основе идеологизации нищеты, но, не освящаясь, они не смогли свидетельствовать так, как это делал св. Франциск. Речь идет не о том, быть бедными или нет, а о том, чтобы свершать волю Божию. Можно упрямять даже в святейших вещах, превращая их таким образом в орудие утверждения собственной воли. Можно овладеть собственной жизнью, добродетелями, набожными, благочестивыми идеями или идеями, имеющими большую ценность, но глубоко-глубоко в душе следовать своей воле. Чтобы служить любви, надо отказаться от самоутверждения. Чтобы войти в любовь и исполниться ею, нужно отказаться от собственной воли.

То, что сын пасет свиней, показывает, кому он служит. Он покоряется хозяину другой страны и оказывается в унижительном положении: пасет свиней чужеземного хозяина в земле, далекой от отца. Это – его собственный образ. Так он созерцает в своем положении собственную действительность. Созерцает то, чем он на самом деле стал, желая быть хозяином.

От унижения к смирению

Плод настолько велик, что сын хотел бы есть то, чем питаются свиньи. Человеку, который хочет быть хозяином мира, нечего есть. Здесь усматривается весь парадокс греха. Псалмы и Книги Премудрости учат нас тому, что человек сообразовывается со своим идолом. Идол делает похожими на себя тех, кто поклоняется ему. Ева сорвала плод с дерева. Адам вкусил его, потому что мечтал стать подобным Богу Творцу, который владеет жизнью. Младший сын взял себе часть имения, следующую ему, но ныне он хотел бы, чтобы кто-то был рядом и накормил его хотя бы рожками, которыми питаются свиньи. Он алчет, уподобившись свиньям настолько, что хотел бы насытиться их пищей. На пастбище, среди свиней, сын угадывает свою действительность и ощущает все свое унижение. Унижение – это состояние, которое заставляет бесповоротно признать: все, что человек захотел сделать самостоятельно, по своей воле, обратилось против него. И это происходит именно перед тем, перед лицом которого было решено все делать самостоятельно, своим умом. *Я согрешил против неба и пред тобою.* Смирения нельзя добиться аскезой или умением. Смирение – это добродетель, и, как все добродетели, она имеет внутреннюю динамику, которая не зависит от

одного человеческого желания. Если бы добродетели зависели единственно от нашего умения, они не были бы таковыми, обнаружилась бы гордыня, из которой они рождаются, и они привели бы к разделению людей на героев и слабых. Каждая добродетель становится реальностью на основе причастности живой Личности Христа, Который есть Добродетель и, следовательно, все добродетели. Поэтому вхождение в добродетель происходит через событие, которое приводит тебя к обнаружению того, что ты есть причастник Христа. Ради смирения этот переход состоит из унижения. Унижение – это начало смирения. Смирение – это состояние благодати и любви, в котором человек свободно уступает дорогу другому. Смирение – это типичное поведение личности, то есть того, кто в своей истине является существом открытым и признающим другого. Смирение – это экстатическое состояние личности, поэтому именно смирение приводит к тому, что личность становится таковой. И поскольку смирение – это выражение любви-агапэ, оторванное от любви, оно уже не является таковым – но своим психологическим и моралистическим извращением.

Пустота обладания

«Придя же в себя, сказал: "Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода"» (ст. 17).

Испытывается некая тоска по тому, кто тебе что-нибудь дал бы. Одно дело – найти яблоко на дороге, и совершенно другое – когда тебе его дарит какой-то человек. Имение, которое сын собрал, чтобы владеть им, и затем расточил, начинает, наконец, вызывать в нем тоску по дому. Блага, которые он потребовал и которыми он управлял самостоятельно, чтобы не видеть в них отца-хозяина, начинают напоминать ему о том, кто даровал. Если раньше, еще дома, его раздражало видеть все связанным с личностью отца, побуждая принять решение уйти далеко со своей частью добра, подчеркивая тем самым то, что принадлежит ему, что является его, а не отца, то сейчас он начинает чувствовать тоску по дарителю. Если раньше он смотрел на вещи, забывая о том, кто их дарит, заявляя о своем праве на них, то сейчас тоскует по тому, кто бы ему что-нибудь дал. Если вначале собственнический взгляд на блага увел его далеко от дома отца, то сейчас, когда они иссякают, в нем зарождается обратное движение. Он не просто испытывает отсутствие имения,

его недостаток, но находится в положении того, кто расточил все, охваченный стремлением обладать, самоутверждаться, самоопределяться. Пустота, которую оставило имение, способствует возвращению в себя. Как личность он потерялся в вещах, оставил личность в царстве предметов. Повторяется грех, описанный в Книге Бытия. Человек покидает Бога, Который есть Личность отношений любви, чтобы устремиться к дереву, к предмету. Таким образом, человек становится предметом, вплоть до полного обезличивания. Это путь, который прошел младший сын в нашей притче.

Прийти в себя пред лицом Отца

«Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: "Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих". Встал и пошел к отцу своему»(ст. 18-20).

Сын, придя в себя, испытывает унижение во всей полноте. Это самый деликатный момент, который он переживает. Спасет его то, что, прислушавшись к своему сердцу, он окажется перед лицом многозначительного присутствия отца. Действительно, в воспоминаниях пред ним предстает отец,

его дом и все, что в нем находится. И тогда, в обществе отца, созерцая свой дом, он признает: «Я *согрешил пред тобою*».

Признание краха в одиночестве пред лицом собственной воли, потерпевшей неудачу, может стать решающим моментом. Слепота самоутверждения может привести человека в окаменелое состояние упрямства самого эгоистичного поведения, что представляет собой настоящее самоубийство. В то время как признание краха *пред лицом* другого уже есть первый шаг к спасению. Признать крах означает отказаться от попытки еще раз исполнить свою волю, решить своим умом, следуя собственным рассуждениям. Человек, который приходит в себя, более не имея внешней опоры, несмотря на одиночество и крах, может снова оказаться *пред лицом* другого. Человек создан, чтобы не быть в одиночестве. Истина человека – быть обителью Духа Творца. Поэтому, когда мы приходим в себя, даже через трагедию или неудачу, мы предстаем *пред лицом* Другого, Духа, Который воздыханиями неизреченными вопиет: “Авва, Отче!” (ср. Гал 4,6). Действительно, мы видим, что младший сын, придя в себя, ощущает воздыхания Духа, которые напоминают ему образ Отца.

Но нужно быть настороже, чтобы не попасться в западню презрения вещей и однобокого понимания роли отца. Это возвращение в себя происходит после того как мы ощутили пустоту вещей. Но и

это может быть обманом, поскольку можно прийти к мысли, что все вещи неизбежно приводят к пустоте. Но вещи, как и все творение, не пусты: как действительность творения, они несут на себе отпечаток Божественной Премудрости, они сохраняют внутри себя след любви, с которой они были сотворены. Поэтому их истина состоит не в том, чтобы обокрасть человека и изгнать его в пустоту.

Илюзия возвращения в себя

Можно прийти в себя и не оказаться *пред лицом* кого-то, пребывать в собственном сердце в одиночестве и смотреть в угрожающую пустую темноту, которую оставили позади себя вещи, различные идолы, установленные прежде как непоколебимые истины, решения и соделанные территорией собственной воли. Случается в духовной жизни и так, что мы идем по пути очищения и изменения самих себя, не имея *пред нами* милосердного Отца, но лишь наш ум. В такой ситуации можно признать свое несовершенство, можно упрекать себя, вновь исследовать, как все случилось, можно найти ошибку и решить измениться. Или же можно потеряться в жалости к себе, самооправдании, которое перекладывает все на других, на среду, обстоятельства.

В этой притче происходящее в сердце сына, когда он начинает ощущать в себе тоску по тому, что

осталось в доме отца, подчеркивается как самый деликатный момент. Речь ведь может идти о тоске по тому, кто накормит его, и он, возможно, решает вернуться не столько из-за отца, сколько из-за куска хлеба. Действительно, сын возвращается домой, чтобы стать рабом. Может показаться: он совершает этот поступок, потому что раскаялся и признает себя недостойным быть сыном. На самом же деле он еще только на полдороги и уступает последнему искушению, возникающему на пути к обращению. Когда человек обнаруживает свою греховность, он рискует сам себя наказать. Обычно это происходит или под видом смирения, или на основе предполагаемой справедливости. Человек решает исправить, вернуть себя к нормальной жизни путем “штрафа”, покаяния. Он с легкостью говорит: «С этого момента я не буду больше так делать». Или же: «Отныне я буду делать так и так». Или еще: «Я посвящу себя какой-нибудь трудной миссии, я хочу пойти далеко и делать противоположное тому, что я делал до сих пор, я никогда не совершу этих грехов». В таком расположении духа мы даем священные обещания, делаемся смиренными, маленькими, добрыми, готовыми всегда выбирать последние места. Но за всем этим скрывается сильное искушение, искушение цепляться за собственный мир, не выходить из самих себя, не переступать границы собственного Я. Мы не входим в любовь, а остаемся замкнутыми в собственном мировоззрении, в плену своего образа

мыслей. На экран собственного разума проецируются великие и святые воззвания, но это то же самое Я, утверждающее себя управлять всем. Действительно, прийти в себя означает войти в любовь, предстать *пред* Другим, любящим тебя, признать Его во взаимоотношении, которое вводит тебя в реальное отношение, в истинное доверие. Прийти в себя значит войти в сердце, более того, – обнаружить сердце и предстать пред милосердным Отцом, который не предает, но смотрит на тебя с вечной любовью.

Однажды поняв, что, следуя собственной воле, мы ошиблись во всем, пришли к пустоте, к аду замкнутости собственного Я, мы должны сделать лишь еще один шаг, чтобы признать Другого, чтобы позволить взять нас за руку и войти в отношение любви, то есть войти в собственную истину личности, сотворенной по образу Троицы, общения и любви. Но даже если это шаг небольшой, порой, вместо того чтобы признать Бога Отца, вместо того чтобы довериться Ему и в любви познать свое истинное лицо, прежде затерявшееся в ночи греха, человек способен предложить решение, кажущееся смиренным и “святым”, но которое пока еще принимает он сам.

Последнее искушение пытается заставить нас остаться атеистами, не входить в действительно религиозное измерение. Пытается подменить веру как реальность отношений верой, понимаемой как этика,

мысль о добре, как поведение согласно набожным и благочестивым желаниям. Вера – это признание Другого, это экстаз любви личности к Личности. Вера – это отказ от одностороннего утверждения собственной воли, и поэтому это – акт любви. Верить – значит любить в межличностном агапическом отношении, найти конкретное воплощение в другом, уступить первое место, отказываться от главенствующей роли. Такой переход возможен только в любви. Только любовь есть та реальность, которая позволяет нам реализовать себя, веря, отрекаясь. Только любовь может утверждать, жертвуя. Поэтому всякая чисто “этическая” попытка любви заканчивается усталостью любить или даже обезличиванием, приводящим к различным патологиям, среди которых, несомненно, ожесточение сердца. Отречение от собственной воли вне любви становится отчуждением и приводит к разрушению личности, так же как и утверждение собственной воли.

Последнее искушение

То, что переживает сын, напоминает нам путь св. Игнатия в духовных упражнениях. Мы видим, что Игнатий завершает первый этап, первую неделю упражнений в созерцании ада. Человек созерцает грех и свою человеческую действительность, им пораженную.

Он видит противоположность жизни: смерть, разложение, бессмысленность существования без Бога. Он находится в царствии смерти, как в царствии человека изолированного и совершенно оторванного от Бога. Человеческая гордыня, которая пытается стать равной Богу по своей воле, оказывается в конце концов в адском царстве вечной смерти. Но Игнатий начинает вторую неделю с размышления о *призвании царя*. Здесь принципиальной структурой является структура воплощения. Бог снисходит, становится близким человеку, дабы тот мог Его видеть и слышать. Он разделяет все с человеком, дабы человек мог разделить все с Богом. Действительно, второе размышление, которое предлагает Игнатий, – это размышление о воплощении Второго Лица Пресвятой Троицы. В этом находит свое выражение нисхождение к грешному, заблудшему человеку, нисхождение, которое возможно только благодаря любви. Таким образом, человек в своем грехе, в своем аду, призывается Богом, и сам призыв становится его спасением, его искуплением. Бог призывает, спасая, и спасает, призывая. Мы знаем, что Бог сотворил человека, обращаясь к нему со словом, и что человек обретает свой смысл, давая свой личный ответ на это обращение. Но грех сделал человека глухим к этому слову, он ослепил его, сделав неспособным видеть свой Прообраз. Человек продолжает смотреть только на вещи и на предметы, от которых ожидает спасения.

Поэтому прощение греха видится как новое творение. Бог снова обращается со словом к человеку, и тот чувствует себя призванным, как в момент творения. Человек находится во гробе, подобно Лазарю, и слышит слово, которое зовет его из могилы, из ада. Грех – это смерть, говорили Отцы, поэтому прощение – это новая жизнь, призвание к жизни нового творения.

Мы можем представить себе, как было бы легко такому человеку, как св. Игнатий, реагировать пред лицом Господа, который находит его во грехе, потерпевшего крах. С его характером было бы легко начать давать серьезные и очень смелые обещания. Было бы типичным для него посвятить себя самой трудной миссии: отправиться, например, на Святую Землю защищать с мечом наголо Гроб Господень или пойти до края земли, дабы покорить всех Христу. Но это означало бы оставаться в одиночестве, атеистом, не стать настоящим религиозным человеком, а скорее снова выбирать, исходя из своего умения и собственной воли. И так он не был бы с Богом. Поэтому Игнатий в этом размышлении формулирует молитву, которая предлагает самое трудное: признать Христа Господом и просить у Него благодати пребывать с Ним, разделяя все, что является Его судьбой, вплоть до вхождения с Ним в Пасху. Таким образом, речь идет о том, чтобы быть достигнутыми Христом в любви и просить о том, чтобы пребывать в этой любви всегда.

Игнатий предлагает отречение от собственной воли как акт истинной веры и истинной любви, и эти две реальности являются истинным плодом искупления, совершенного Христом.

Почему Игнатий сразу же упоминает об оскорблениях и страданиях, говоря о следовании за Христом? Потому, что признать Христа означает признать объективность Другого, то есть свободу Другого, в том числе и по отношению к себе. Признать Другого в Его объективности означает довериться, потерять контроль, иметь возможность управлять реальностью только согласно логике любви. Но это как раз логика Пасхи, то есть жертвы любви. Даже Сам Бог в Сыне вверил Себя в наши руки. Он не снизошел на землю исправлять человека, но признал его настолько радикально, что предал Себя в его руки.

Следовательно, при таком деликатном переходе, дабы избежать страшного искушения своего рода религиозного атеизма, нужно признать Бога, что значит позволить спасти себя, не заслуживая спасения. Позволить охватить себя и спасти, не доказывая, что это спасение от смерти тебе причитается, что ты заслуживаешь его. Позволить любить себя, не имея никакой опоры в самом себе, наблюдая за тем, как рушатся собственные идеи, оборонительные сооружения, самоутверждения. Увидеть себя так, как увидел себя Петр во дворе первосвященника, когда предал все то, чему прежде клялся

в верности и чем хвалился как собственной силой. Увидеть себя в том взоре, который Христос обращает к нему (Лк 22,61). Быть спасенными означает с любовью сказать: «...не чего я хочу, а чего Ты. Господи, Ты все знаешь, возьми меня с Собой».

Религиозное начало

Сын, таким образом, еще не достиг сути своей истины как личность, образованная любовью-агапэ. Еще не подошел к признанию Отца, так как все еще находит решения и предлагает их Отцу. Он еще не является человеком, который видит свою самую глубокую реальность в любви, в способности оставить собственный мир и признать межличностные отношения как основу собственного существования.

Религиозное начало состоит как раз в любви, то есть в радикальном признании Другого. Истинная вера – это вера Авраама. Он признает Бога до такой степени, что, следуя Его слову, способен занести нож над собственным сыном. Это образ Бога Отца, который признает человека в плоть до того, что приносит собственного Сына в жертву. Религиозное начало мы видим в Марии в момент благовещения, когда, хотя и не понимая всего, она с любовью доверяется Богу в том принципиальном влечении, которое позволит ей затем понять все,

именно потому, что Господь занимает первое место. Полноту религиозного начала мы видим во Христе в Гефсимании, когда Он просит, если это возможно, устроить все иначе, но не навязывает свою волю, признавая с сыновней любовью волю Отца. Именно этой сыновней любви еще не достает младшему сыну. Он увлечен хлебом отчего дома, наемниками, тем, что скажет отцу. Процесс истинного обращения уже начался в сыне, только искушение неверия, то есть не любви, еще сильно. Действительно, лишь объятие отца в момент их встречи потрясет все его замыслы и его образ мыслей.

Блудный сын сегодня

Подобное искушение, как мы увидели в случае блудного сына, можно признать и в современной культуре, в конце концов испытавшей унижение всего того, что составляло ее самые честолюбивые замыслы. Именно этот момент может быть самым благоприятным для того чтобы поразмыслить, прийти в себя, пересмотреть свой путь. Но чем мы рискуем? Если скажем: «Да, они были ошибочны, мы потерпели крах и должны восстановить путь», то рискуем разжечь, что фактически и происходит, всю динамику процессов, упреков, предъявления обвинений, определения виновных, при этом еще не оставляя имманентного

образа мыслей, характерного для последних столетий. Нынешнее состояние культуры может вызвать и другую реакцию: желание сказать, что, однажды поняв, в чем состоит заблуждение, можно жить лучше и стараться избегать ошибок, уступая, таким образом, искушению младшего сына вновь заслужить доверие и будущее. Но мы наблюдаем также появление признаков, указывающих на почти “покаянное” отношение: человек ошибся, поэтому сейчас ему можно немного пострадать, перенося последствия совершенных в прошлом ошибок. Есть и гораздо более сдержанные реакции, с религиозной точки зрения, например: вот, безбожный человек сейчас видит, до чего можно дойти без веры, поэтому ему не остается ничего другого как вернуться к вере. В религиозной среде обнаруживается возрождение излишне оптимистичных и фундаменталистских тенденций. Мол, было ошибкой уступать свободам, автономиям, искажая таким образом истинную религию; нужно вернуться к уже испытанным формулам, только подкрасить их новой краской. Некоторые полагают, что современный человек, смущенный и заблудший, нуждается в том, кто поставит его в строй и ясно представит ему то, что он должен думать и как действовать.

Все эти искушения находят зацепки в современном человеке, слишком похожем на блудного сына, еще не достигшего очищения его отношений как сына, который решает вернуться домой,

побуждаемый голодом, и, возможно, сам себя наказывает, представляясь наемником. У современного человека тоже есть свои желания хлеба, дома, он тоскует по тому, что было прежде, мечтает о том, что в будущем могло бы улучшить его нынешнее положение. Ясно, что эта попытка ложного покаяния, самобичевание с ярлыком нового морализма не может превзойти угодливой религии или “раскаявшегося” гуманизма. Но именно перед лицом угодливой и легалистской религии и религиозного идеализма современный человек однажды бежал, показывая несостоятельность идеалистических штампов и субъективистских прогнозов, сделанных во имя религии. Сейчас он мог бы с легкостью вновь предлагать подобные прогнозы, строить новые иллюзии, создавать новую этику и новую религию, называя все это верой.

Сын предпочитает вернуться домой как раб “раскаявшийся и смиренный”, но самостоятельно определяя покаяние и благие намерения. Действительно, оставаясь рабом, привязанным, однако, к своим желаниям, в подходящий момент он снова может повернуться к хозяину спиной и уйти с принадлежащими ему незначительными сбережениями, чтобы с яростью обрушить на этот несчастный узел свою страстную волю.

Проблема блудного сына – это проблема отцов и детей, которая и сегодня актуальна. Фоном современной культуры, то есть историй стольких

людей, является крайняя необходимость в откровении сынов Божьих. *Но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего* (Рим 8,23). Современный человек чувствует потребность открыть свободу сынов милосердного Отца, Отца верного, который есть святая любовь, и насладиться ею. Он вернется к Богу, если откроет в своих братьях радость и удовольствие быть сыном этого святого Отца. Только сыны, воистину свободные в отцовской любви, могут свидетельствовать и являть красоту отца. Только сыны, свободные в любви, могут найти чарующие, увлекающие и освобождающие слова о своем отце. Современный человек, таким образом, в это время сухости, когда так редки ощущения радости и жизни, сможет сказать в своем измученном сердце: *встану, вернусь домой, к моему Отцу*. Он сможет сказать это, когда убедится в красоте, которой все дышит в доме Отца благодаря свободе, испускаемой его любовью.

Встретить Отца

*«Когда он был еще
далеко, увидел его отец
его и сжалился» (ст. 20).*

Действительно, отдаленность была новой обителью, которую блудный сын избрал, следуя желанию односторонне утверждать собственную волю. Этим далеко выражается все, что мы хотим сказать о грехе. Это та отдаленность, которая приводит к упадку человеческой жизни. Это – изгнание, которое выпадает на долю человека в бытии. Но отец видит сына, когда тот еще далеко, потому что для любви не существует расстояний. Взгляд любви проникает в глубину ночи, видит на дне моря, высоко в небе. Это не суровый взгляд судьбы, и не тот, что наблюдает, это взгляд внутренности, которая трепещет, сжалившись от любви, подобной той, что заставляет сжиматься чрево матери (ср. Иер 31,20). Это взгляд, омывающий иссопом, греющий поцелуем, исцеляющий подобно миру, бальзаму и доброму вину. Отец бежит навстречу этой отдаленности с тех самых пор, как он спустился в сад, спрашивая: “Адам, где ты?” (ср. Быт 3,9). На всех страницах Библии повествуется о том, как отец бежит за сынами. Мы привыкли думать, что человек ищет Бога.

Притча переворачивает это клише и показывает, что, наоборот, Бог Отец ищет человека и привлекает его к Себе только любовью. Он не может использовать силу, ни убедительные доводы, но только милосердный взгляд, бескорыстный жест чистой и вечной любви. Любовь Бога заключает в себе и отдаленность Псалма 22, где Иисус на кресте, в бездонных глубинах человеческого зла, вопиет к Отцу. Любовь – это то дыхание жизни, данное человеку, к которому, однако, он настолько привыкает, что не отдает себе в нем отчет. Любовь по своей сути – это безграничная свобода отношений, это непрестанный дар, всегда приготовленная трапеза, но тайно, дабы никто не чувствовал себя обязанным. Сын направляется к дому по следам любви отца, которая столько ночей бродила вокруг него, дабы пробудиться в нем. Сын возвращается по следам любви отца, которая столько раз проходила это расстояние во время его отсутствия. Но сын еще не понял, что он есть сын. Ныне впервые его шаги совпадают с шагами любви отца. И действительно, солнце начинает сиять по-другому, когда сын видит дом и отца, бегущего навстречу. Ветер дует по-другому, воздух становится чище, земля становится святой, дыхание – дуновением жизни, как будто вся история открывается в новом рождении, когда отец *пал ему на шею*. Именно отцу причиняет боль расстояние, и именно он совершает жест сына. Именно отец, который, пав на шею сына,

переворачивает роли. Мы видим “хорошего” сына, который возвращается домой и бросается на шею отца, но именно отец наделяет сына своим отцовством. Сын не может произнести слова, заготовленные в одиночестве, в изгнании, когда он был рабом одного чужеземца и пас свиней. Охваченный любовью отца, он начинает видеть себя в совершенно новом свете. Его мировоззрение меняется в корне, когда *отец пал ему на шею*. Именно любовь меняет человека, меняет его ум, его чувства, его желания и его характер.

Позволить любви достичь нас

Зачастую мы боимся слишком подчеркивать доброту и милосердие Божьи. Мы сразу же торопимся напомнить также и о Его правде, суровости, как будто боимся, что если слишком будем подчеркивать любовь Бога, то человек не станет стремиться к иной, новой жизни, более честной, решительно более нравственной. Евангелие же учит, что человек меняет свою жизнь, свое мировоззрение, обращается к добру не потому, что на него кто-то кричит, кто-то его упрекает и наказывает, а потому что вдруг осознает, что любим, несмотря на то, что он грешник. Это момент сильной любви, когда человек неожиданно видит весь свой грех, чувствует себя грешником, но в восторженных объятиях того, кто его

любит. Тогда возникает этот плач, это рыдание, которое прорывается из глубины сердца, когда, охваченные бескорыстной любовью, мы обнаруживаем как грешники, что пренебрегали этой любовью, неправильно толковали ее, даже считали ее некой тягостью. Началом обращения личности, даже в сфере ее поведения, является взволнованность любви.

Даже на чисто психологическом уровне тот, кто вдруг обнаруживает, что любим, в состоянии понять свой грех и найти в любви другого силу встать на иной путь, предпринять другие шаги. Приведем пример: человек каждую ночь громко хлопает своей дверью и будит соседа. Легко представить, что, если бы потревоженный сосед начал упрекать его, возникла бы ссора, в которой каждый вспомнил ошибки другого. Вместо этого, спустя какое-то время, тот человек, который столько раз просыпался ночью из-за соседа, обращается к нему с вопросом: «Заметил ли ты какое-либо изменение в наших отношениях за этот период?» Сосед ответил, что нет, более того, их отношения кажутся ему хорошими. И только тогда мудрый человек сообщает, что долгое время не может спать из-за двери, которая хлопает ночью, и подтверждает свои терпение и любовь к соседу. Последний, обнаружив, что любим, возможно, гораздо яснее осознает свой недостаток, чем если бы с ним затеяли ссору. Это банальный пример, но он позволяет нам понять динамику, которая вызывает

любовь в любимом грешнике. По сути, мы рассматриваем центральный момент истории спасения. Бог, жертвуя Своего Сына, соединяет под Своею главою человечество, любя раненого человека. Безграничная любовь Бога свершается пред глазами человека, более того, в руках грешного человека, в глубине его сердца, где превращает его в нового человека и возвращает ему способность переживать новое (ср. Кол 3,10). Человеку, так живо и непосредственно затронутому любовью, удастся отказаться от мировоззрения ветхого человека, удастся думать по-новому, войти в творчество свободного разума любви. Это означает пребывать в объятиях, которые сжигают в грешнике упрямство и его цепляние за собственные установления (ср. Еф 4,22-24).

Пал ему на шею

«...пал ему на шею и целовал его» (ст. 20).

Современный человек не вернется к рекам воды живой, к жизни святой и порядочной, если и дальше будут показывать на него пальцем и упрекать его за отклонения, перечислять ему все его проступки, приведшие к стольким негативным ситуациям современного мира. Свою миссию

Церковь скорее выражает жестом отца, описанным в притче. Мы, современные христиане, как никогда могли бы ощущать призыв любви Отца пасть на шею современного человека и обнять его с той силой любви, с которой Христос в нас любит мир (ср. Ин 15,12). Все полнее предаваясь той любви, которую Дух Святой изливает в наши сердца (ср. Рим 5,5), мы становимся все более чистым образом Сына. Позволяя сообразовать себя с тем "Авва", что Дух Святой вопиет в нас, мы все в большей степени становимся усыновленными чадами в Сыне. С Ним и в Нем наша жизнь шепчет миру: *«Видящий меня видит Отца»* (ср. Ин 12,45 и Ин 14,9). Поэтому если мы устремимся навстречу современному человеку, падем на шею этому человеку, который возвращается с пастбищ стольких унижений, то это станет сердечным жестом отца по отношению к сыну.

Ясно, что подобное поведение нам многого стоит. Это для нас самих есть Пасха, мученичество, способность пойти дальше самих себя. Но нет сомнения, что, совершая этот жест, мы идем по правильному пути, а способ евангелизации соответствует Тому, Кого мы возвешаем. Быть преисполненными трепетом любви к современному человеку означает быть воистину достигнутыми божественной любовью. В этом *пал ему на шею* Отца свершается история Бога и история человека.

В истории Иосифа из Египта мы видим, что Иаков сначала посылает своего самого любимого

сына Иосифа искать его братьев, то есть других сыновей Иакова. Иосиф испытал любовь благодаря дарам, которые преподнес ему отец, и, следовательно, отправляется на поиски братьев. Но братья, ревнующие любовь отца к нему, решают его убить. Именно здесь начинается драма любимого сына, которая завершается только тогда, когда Иосиф и его братья вновь предстают пред лицом отца. Иосиф, поскольку познал любовь отца, возвращается к нему только тогда, когда ему – через драматичные унижения, через смерть – удастся пробудить в братьях ту же любовь отца, познав которую, братья становятся сынами. Иосиф и его братья вместе возвращаются к отцу. И в этой истории Иосиф *пал ему на шею* (ср. Быт 46,29), на шею старому Иакову. Именно любовь отца свершается в сыне среди братьев, в этом потрясающем жесте, который действительно есть жест отца: *пал ему на шею*. Любовь – это отношение между людьми, неудержимая динамика, которая свершается в общении, в единении. Отец бросается на шею сыну со всем трепетом своей души за него и делает это так, чтобы сын в ответ пал ему на шею вместе с братьями.

Пал ему на шею отца достигает своей полноты, когда любимые сыновья, возвращаясь, бросаются ему на шею как братья. Церковь бросается на шею Отца, возвращаясь к Нему вместе с братьями, обретшими Его любовь, увидев ее в любви, с которой Церковь бросается на шею современного человека.

За уходом из дома младшего сына следует ответ любви отца, который тоже оставляет дом, чтобы бежать навстречу сыну и пасть ему на шею со всем трепетом сердца, раненого любовью. Уход сына наносит любви отца рану, такую, что тот покидает дом и идет ему навстречу. Любовь Бога также выражается в унижительном экстазе, который он переживает по отношению к человеку и всему творению. По этой притче об экстатической любви, о любви, которая устремляется к другому с силой того, кто пережил долгие ночи ожидания отсутствующего, Церковь переживает свой экстаз по отношению к братьям. Любить – это значит покинуть собственный дом, пойти на поиски отсутствующего, дабы жить с ним в доме. Церковь обретает свой дом в принятии братьев, братьев, которые возвращаются издалека, – алчущие, утомленные, в грязных, рваных одеждах. Поэтому нет ничего странного в том, что Сына Божьего называют “другом грешникам” (ср. Лк 7,34). Каких далее достиг Сын в любви Своей, чтобы соделаться сотрапезником грешников, превращая, таким образом, Своим присутствием трапезу грешников в Свой дом (Мк 2,15-16)! Глядя на Сына, друга и сотрапезника грешников, очень трудно очертить границы дома Отца.

Исповедовать милосердного Отца

Объятия отца “душат” исповедь сына, останавливая ее в самый здоровый момент раскаяния, момент, который выражает самосознание пред лицом совершенного греха. И сын не может сказать и предложить то, что приготовил заранее: чем он сам должен быть, согласно его мыслям и его воле, и что должен делать отец. Действительно, он хотел бы предстать как раб, несмотря на бегство из дома из-за восприятия отца как хозяина и, следовательно, самого себя как раба, а не как сына.

Этот эпизод притчи раскрывает особый аспект духовной жизни. Мы прекрасно знаем, что исповедь в грехе является деликатным моментом. Можно исповедоваться в грехе, будучи побуждаемыми к этому невротическим чувством вины. Это чувство вины уже является следствием возрождения к духовной жизни, в которой еще многое требует очищения. Как фон здесь еще можно увидеть ложный образ Бога, тот, что соответствует Богу, подмененному авторитарными проекциями и отягченному цензурой, причиной которой является легалистическо-моралистическая путаница. У истоков этого чувства вины часто стоит самая настоящая подмена личностного Бога законами. Действительно, олицетворение предписаний и законов – это заблуждение, которое может привести ко многим аномалиям.

С другой стороны, сегодня мы видим, что исповедь греха часто путается с простой беседой, со своего рода психологическим *counseling*.

Во время исповеди младшего сына отец представляется как истинный фон ее. Это наводит нас на мысль о том, что исповедь греха происходит в рамках другой исповеди: исповедать грех можно только на фоне исповедания Отца как милосердного Бога. Исповедуя Отца – Бога любви, я исповедую себя как сына этого Отца. И именно в рамках этой единой, но двойственной исповеди, исповеди Отца и себя как сына грешника, находится история взаимоотношений между мною, сыном, и Отцом. Такая исповедь возможна, только если мы движемся раскаянием. Раскаяние – это конкретная динамика человеческого сердца. Ее нельзя путать с общей сентиментальностью, это подлинное религиозное состояние, которое само по себе всегда осуществляется в любви. Раскаяние – это тот сладостный плач, рыдание от того, что мы вновь обретаем свою невинность в глазах Того, пред Кем согрешили. Это опыт подлинного смирения, которое отогревает сердце и возвращает человека в объятия Того, пред Кем мы согрешили. Раскаяние – это не утонченная психологическая игра, чтобы держать человека в унижительном положении того, кто постоянно ошибается и постоянно должен признавать пред лицом совершенного Бога свои изьяны. Раскаяние – это обнаружение заблуждения, в которое мы впали,

согрешив, заблуждения и безрассудства, состоящего в том, что мы не пользуемся, не живем полнотой свободы любви Отца и не наслаждаемся тем, что принадлежит Отцу, что является также и нашим. Раскаяние приводит к разоблачению обмана, состоящего в том, что мы вступили с Богом в игру категорий «мое – твое», «могу – не могу» и так далее.

Только здоровое раскаяние позволяет избежать игры, заключающейся в том, что мы вновь предлагаем самонаказание и самоцензуру. Поэтому мы видим: сыну, намеревавшемуся предстать рабом, не удастся сказать об этом Отцу. Его опережает любовь Отца.

Одетый как сын

*«А отец сказал рабам своим:
"Принесите лучшую одежду и
оденьте его, и дайте перстень на
руку его, и обувь на ноги. И
приведите откормленного
теленка, и заколите; станем есть
и веселиться!"» (ст. 22-23).*

У так, сын возвращается домой так, как он и ушел. Но отец бежит ему навстречу, зовет рабов, чтобы одеть своего “раба” как сына (ср. Ис 22,21). Принесенная лучшая одежда – это, конечно, одежда брачная, та, что придает

законную силу присутствию на пире (ср. Мф 22,11). Иаков тоже дарует Иосифу разноцветную одежду (ср. Быт 37,3). Само положение человека заставляет его вздыхать из-за желания облечься (ср. 2 Кор 5, 4) в одежду, которая не пачкается, не изнашивается, но является залогом вечной жизни, то есть вечного участия в пире, который Отец приготовил для своих. Отец хочет дать сыну одежду, омытую в милосердной любви, с которой он всегда ждал его. Он хотел бы, чтобы сын был облачен в одеяние, которое отличает тех, кто омыл одежды свои Кровию Агнца (ср. Откр 7,14). Одежда, в которую отец повелевает одеть сына, причисляет его к отмеченным знаком спасения (ср. Иез 9,4). Именно тварное бытие человека страстно желает облечься во Христа (ср. Рим 13,14). Образ Бога Отца, который пребывает в человеке через Духа Святого, вопиет в нас до полного проявления. Он просит нас проникнуться этим образом Отца, то есть Сыном (ср. Кол 1,15), который в истории живет в людях, ведя их к их полному выражению в Нем как усыновленных чад. Чем больше мы проникаемся образом Сына, тем больше думаем как сыны, желаем как сыны и способны совершать сыновние поступки. Именно наши деяния, наше мировоззрение, наши чувства, все более сообразованные со Христом, являются одеждой, в которую мы облачаемся. Спасение состоит именно в облачении человека как сына. Это облачение

свершается во Христе, истинном Сыне Божьем. Перстень, который отец надевает на руку сына, наконец вернувшегося домой, передает ему все полномочия (ср. Быт 41,41-42). Это настоящий перстень родства. Этот перстень, в оправу которого в древности часто вставлялась печать власти, является знаком любви, оставляющей как бы отпечаток на сердце (ср. Песн 8,6), чтобы выразить нерасторжимое единство. Обувь на ногах – это знак как благородства, так и близости, которая позволяет носить ее, залог того, что больше ничто не сможет разлучить сына с отцом. Отец и Сын едины (ср. Ин 10,30). Откормленный теленок и готовящийся праздник – это явный образ пира, который ознаменует мессианское время (ср. Ис 25,6), время, когда будут преизобиловать милосердие и благодать Господа. Где когда-то было отсутствие, пустота, смерть из-за греха, там ныне преизобилует праздник *Пал ему на шею* (ср. Рим 5,20).

На домашней трапезе место младшего сына оставалось всегда пустым. Сегодня именно в этом месте преизобилует праздник с сыном за столом, одетым как сын на празднике с отцом, с жирными яствами, превосходными винами, вкусными блюдами. Действительно, одежда – это своего рода выражение того, кто ее носит (ср. Сир 19,27). Ныне сын, облаченный в одежду, дарованную отцом, выражает всю свою истину, то есть истину сыновнего бытия (Ис 61,10).

Радость Бога и сынов

«...ибо этот мой сын был мертв и ожил; пропадал и нашелся» (ст. 24).

Любви отца удается воскресить любимого. Всякий, даже заблудший, если позволит любви отца достигнуть себя, возвращается к жизни, подобно овце на плечах пастыря. Всякий, кого любит Отец и кто позволяет вести себя по следам этой любви, возвращается из бездны смерти и забвения к жизни, к вечной памяти о верной и нерушимой любви Божьей (ср. Рим 8,35-39). Младший сын возвращается домой, воскреснув из греха, благодаря не своему умению, а безоглядной любви отца. Люди с трепетом уповают на то, чтобы оказаться на пиру с Церковью в доме Отца. В этом долгом ожидании мир развлекается напитками и отравляющими яствами, утешаясь ядом из-за трагической участи жизни (ср. Ис 55,2). Чувство любви Отца – это радость, выраженная в *пал ему на шею*. Таким образом, Церковь призывается Отцом предаться радости этого *пал ему на шею*, чтобы выразить истину любви, которая испытывает радость, только принимая другого, возвращающегося, потому что тот, после того как оставил дом, чтобы встать на путь заблудших (ср. Ис 35,4 след.), был

достигнут этой любовью. Если Церковь слишком сурова, с печальным лицом, не радостна, значит, она слишком одинока. Радость Церкви, праздник христиан состоят в объятии грешного мира. Может быть, по сравнению с недостатком милосердия и любви к грешникам, не так уж и велика проблема, что в мире столько грешников и что сам он идет своей дорогой (ср. Мф 9,13)?

Дом наполняется праздником, переливающейся через край радостью отца, и сын входит в него в обуви. Моисей должен был снять обувь пред неопалимой купиной (ср. Исх 3,5). Сын же входит в дом, окутанный присутствием любви отца, и не должен снимать обувь, потому что он сын. Сын испытывает не меньший страх и благоговение, чем Моисей перед купиной, и тем более они не исчезают, но вовлекаются в любовь Отца и сына. Страх и благоговение не могут противопоставляться любви и близости (ср. Пс 85, 9-14). Действительно, нельзя противопоставить даже раба сыну. Сыновство тоже включает в себя служение и страх, но речь идет о служении и страхе, проникнутых сыновней любовью. Действительно, Сын явственно говорит об этом: *«Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и как заповедал Мне Отец, так и творю (Ин 14,31)*. Религиозный рост – это рост в отношении сын – Отец, во все большем включении послушания, служения и благоговения в сыновнюю любовь, углубляющуюся в свободе, залогом которой является только любовь Отца.

Духовность праздника

«И начали веселиться»
(ст. 24).

Праздник, который начинается в доме отца, – это настоящий образ духовной Пятидесятницы (ср. Пс 23,5; Ис 25,6 сл., Притч 9,1-6). Дом, все его закоулки, знакомые с детства, лица, вино, откормленный теленок, приготовленный так, как готовят только дома, перстень на руке, праздничные одежды, песни, приветствия, поля, виднеющиеся вдали, солнце – все это рассказ, все повествует о любви отца. Окружающие предметы не молчат, они как будто являются в новом свете, в котором можно увидеть, что все они соединены с любовью отца, образуя единое сплетение. Как будто все они связаны сокрытой нитью радости отца, как будто его ликование приводит в движение творение: разыграли среда, предметы, воздух, поля... Вот подлинная духовность: во всем видеть деяние отца, видеть, что предметы не изолированы, не молчат, слышать рассказ любви, который они силой Духа Святого так хорошо умеют нашептывать. Вещи, творение, предметы в Духе Святом умеют пробуждать в сыне воспоминания об отце. О любви отца напоминает сыну даже домашняя утварь. Действительно,

истина творения состоит в анамнесисе о Творце, в вечной памяти о Нем. Зачастую среди нас, людей, все не так просто, чтобы окружающая реальность напоминала о Боге, но благодаря любви, которую Он дарует, нам удается дарить друг другу предметы, и в этом даре они включаются в память об Отце. Напоминая о другом, говоря о другом, мы и творение входим в сферу отношения, стоящего у истоков, которое сын обнаруживает только в конце. Когда мы воспринимаем все вещи и наслаждаемся ими в их отношении с Отцом, с Творцом, тогда мир кажется праздником (ср. Дан 3,53 сл.). Любовь Отца передается всем предметам, всем вещам в доме, и таким образом передается сыну. Когда предметы, творение, а также деяния человека поглощаются взаимной любовью, тогда мир переживает свою истину, свое преображение, и творение становится местом, где Отцу хорошо, ибо Он веселится вместе с сыном. Истина творения свершается в любви между людьми. Творение чувствует себя любимым, когда становится местом, где зарождается эта любовь между людьми. Это истинная песнь творения, основа всякой порядочной жизни в мире, всякого честного “господства” над вещами, и, следовательно, истинной экологии в любви. В этом русле раскрывается все необычайное содержание того, что выражает монашеский обет бедности. Более того, усматривается также возможность богословского понимания справедливости в социальной и экономической сферах.

Странно то, что, когда сын решил покинуть дом, он собрал те же самые вещи, которые сегодня причастны к его празднику. Сегодня они напоминают ему об отце, а тогда вызывали у него желание утверждать собственную волю вдали от дома, как будто были под блестящим завлекающим покровом. Как будто тогда в них невозможно было увидеть жест благодати отца, как будто они заставили замолчать в себе его голос (ср. Пс 115,4-8). Красноречиво то, что праздник, который сын хотел устроить, располагая самостоятельно своими вещами, заканчивается среди свиней, служением чужеземному хозяину. Как будто изгнанные вещи определили в свою очередь его изгнание. Творение включается в праздник не потому, что им обладает и подчиняет своей воле человек-повелитель. Вещи ликуют, когда они находятся на служении у любви между людьми. Не обладание доставляет радость, но отношения и встречи между людьми делают ее возможной.

Время быть свободными в вере

Праздник, ассоциирующийся в Библии с благовониями, вином, любовью, со встречей, когда, как в Книге Песни Песней, возлюбленный описывает свою возлюбленную оборочительными образами творения, – это реальность свободы. У праздника – свое внутреннее

правило, своя строгая логика, которая есть логика встречи в любви. Праздник возможен благодаря отказу от однобокого утверждения самих себя, отказу, который возможен в чудесном убеждении, что только любовь может творить. Праздник возможен только благодаря свободному соединению людей, поскольку оно есть любовь. Праздник в доме отца – это праздник свободного принятия отцом сына, в такой степени, что он бежит ему навстречу и бросается на шею. Праздник достигает полноты, потому что сын пред лицом силы и тепла отцовской любви отказывается от того, чтобы предложить себя как раба, и соединяется с отцом согласно истине их отношений.

Сегодня Церковь сопровождает людей по направлению к дому Отца в любви, основанной на свободном соединении с Отцом и братьями. Праздник есть и будет, если мы отправимся навстречу любви, любви истинной, основанной на свободе. Праздник будет, только если любовь будет настолько полной, что сможет заключить в объятия другого, даже допуская возможность того, что будет им отвергнута. Настало время, когда той стороной религии, которую нужно особо подчеркнуть, является свобода любви, или любовь в свободе. Человек не вернется по-настоящему к Отцу, если над ним будет властвовать религия, если он будет подавляться утонченной педагогикой. Человек не откроет лица Отца, если оно будет представлено как последний

причал дрейфующей истории. Религия, которая хочет господствовать, должна пройти еще долгий путь своего созревания. С другой стороны, религия, которая теряется, отступая в повсеместно распространенный секуляризм, уже вовсе не религия. Отношения между Богом и человеком не могут быть отношениями господства, соперничества или взаимного подчинения. Этот призрак религии в ответ порождает другой свой призрак, то есть свой бесцветный вариант, находящийся на служении у человеческих пороков. Если человек познал на опыте повелевающего, подавляющего Бога, то очевидной реакцией человека мятежного будет создание Бога по своему вкусу. Тогда, быть может, пришло время свободного соединения. Кажется, что современная культура готова обрести Бога Отца, который бросается на шею человеку, достигшему предела своего бунта и унижения. Но также настало время, когда человек встает и идет, чтобы его заключил в объятия не какой-нибудь бог, а Бог Отец.

Драма упрямства

*«Старший же сын его
был на поле» (ст. 25).*

Поле – это место, где обрабатывается земля, где человек в поте лица добывает себе хлеб насущный (ср. Быт 3,19). Если, с одной стороны, тяжкий труд в поле заставляет человека испытать собственную тварность, с другой – его опьяняет ощущение того, что он хозяин, творец. Именно по этой причине в Библии мы видим как белеющие поля, готовые к жатве, так и поля – место насилия, фон битвы. Не нужно забывать, что змей был полевым животным (Быт 1,26), а Каин работал в поле (ср. Быт 4,2). Каином овладела своего рода ревность. Старший сын тоже возвращается домой с подобным внутренним настроением, поэтому, как только до него доходят звуки музыки и пляски с домашнего праздника, он сердится. Есть такое состояние человека, которое полностью поглощает его мир, его мысли, превращая их в предопределенные пути, где укрепляется ощущение того, что он в порядке, праведен, заслуживает признания. Это состояние можно часто испытывать, но оно является признаком закрытости, замкнутости. Это – предрасположенность души, которая становится препятствием на пути правильного понимания

не только событий, но и самих себя (ср. Тит 1,15). Реакция, возникающая вследствие подобной предрасположенности, состоит обычно в ощущении того, что другие нам докучают, беспокоят нас. Поэтому мы раздражаемся, отвечаем, пытаемся показать себя, утвердить. Это скорее статичная позиция, которая не позволяет приспособиться, быть гибкими, вступить в отношения.

В духовной жизни чрезвычайно важна предрасположенность сердца. Фоном толкования в постижении всего происходящего является расположение души. В духовном распознавании предрасположенность души имеет наиважнейшее значение. Действительно, в душе, предрасположенной определенным образом, Дух Святой будет действовать через чувства и мысли этой души, которые очень отличаются от чувств и мыслей, через которые тот же Дух действует в душе с другой предрасположенностью. Поэтому в духовной жизни, даже при всей важности чувств и мыслей и их взаимного влияния, увидеть ее смысл можно, только зная принципиальную предрасположенность личности.

Но вернемся к сыну.

Возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование. И, призвав одного из слуг, спросил: "Что это такое?" Он сказал ему: "Брат твой пришел; и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым". Он осердился и не хотел войти (ст. 25-26).

Отрицательное отношение сына укореняется во все более явной изоляции. Праздник, пляски, изысканные блюда, музыка... Он стоит рядом со всем этим, рядом с домом, но не хочет входить. Вернулся брат, и отец устроил праздник. Слишком диссонируют эти две рядом стоящие фразы: «...потому что принял его здоровым» и «Он осердился..». Какое же настроение человека не позволяет ему радоваться благу другого? Почему же так трудно разделить чужой праздник? В Библии много раз встречается приглашение на праздник, предложение разделить пир, но часто притчи Христа, повествующие о пирах и праздниках, завершаются определенной жесткостью по отношению к тем, кто упорно отказывается принять участие, то есть по отношению к людям, которым трудно веселиться с другим, радоваться его благу. Речь идет о тех, которые еще не прониклись любовью, еще не постигли логику любви и милосердия.

Кто на опыте познал, что такое прошение, кто ощутил милосердие, кто пережил нечто благое как незаслуженный дар, тот понимает благо другого, понимает возвращение грешника и приобщается к празднику отца. Человек, который не воспринимает себя как существо, основанное на любви, не может видеть благо и наслаждаться им, например, старший сын, который считает многие вещи гораздо важнее, чем возвращение брата здоровым. Младший брат вернулся грязный, голодный, разочарованный, но невредимый, то есть искупленный, потому что он

оставил свои установления, свои намерения и признал отца, признавая тем самым себя сыном. Из “распутного”, то есть извращенного, он превратился в искупленного. Ныне он неведим. Теперь старший сын, который кажется трудящимся человеком, подчиняющимся правилам, работающим каждый день, ведет себя “распутно”, беспорядочно, потому что не хочет разделить праздник отца, вновь обретенного сына, не хочет приобщиться к радости, которая должна бы быть и его, поскольку он вновь обрел брата здоровым. Его поступок говорит о том, что он не живет согласно порядку спасения, то есть в отношении «отец – сын – братья», но более важным считает нечто другое, что мешает ему войти в дом, то есть войти неведимым, искупленным (ср. Мф 23,13).

Заключительная часть этой притчи исполнена нарастающего драматизма: дом наполняет праздник, устроенный для младшего сына, распущенного, который погубил себя своим замыслом самореализации, в то же самое время его брат, который казался таким совершенным, стоит на улице. Таким образом, обнаруживается, что отец, несмотря на двойное потомство, не имел ни одного настоящего сына. Один из них ушел, другой жил дома как раб, непричастный к чувствам отца. Младший сын становится рабом, потому что восстал против отца, отождествляя его с хозяином, старший – считал себя рабом всегда, честным наемником. Но возвращение первого разоблачило истину второго.

Для христианина это истинная духовная борьба: благо другого, прошение, которое получает другой, всегда является показателем нашей веры; радость, которую мы испытываем о благе другого, безошибочный индикатор подлинности нашей веры (ср. Рим 12,9-21). Обращение язычников, прошение и благо, которые могут быть дарованы тем, кто не принадлежит Церкви, являют истинность нашей принадлежности к церковной общине. Радость Отца о раскаявшемся грешнике раскрывает истинность тех, кто объявляет себя “домашними”.

В Библии говорится, что смерть вошла в мир завистью (ср. Прем 2,24). Отчего же, если не из-за смеси ревности, зависти и осуждения других, старший сын не входит в дом? Становится все очевиднее, что проблема старшего сына преимущественно интеллектуальная: он упрямествует в своем мировоззрении, в своем видении вещей и суждении о них. Страстность разума – это серьезная проблема в духовной жизни. Страстная мысль – это рационалистическое упрямество. А упрямество – это конец духовности. Упрямый человек защищает свои собственные мысли, поведение, потому что в глубине души знает, что речь идет о *своих* мыслях и поведении, и поэтому их надо защищать. Человек с предвзятой закрытостью по отношению к новому – это человек с прочными системами, структурами, привычками и схемами. В то время как тот, кто воспринимает свою природу прежде

всего в бытии любви, – это человек экстаза, который раскрывает свои способности и всего себя самого в отношениях любви. Таким образом, человек не упрямится, потому что его разум динамичен, и реализуется в признании другого, других. Он способен мыслить любовно, образом, который находит свою парадигму в Пасхе, в *exodus*. То есть речь идет о том, чтобы выйти из себя, освободиться от собственных потребностей и нужд, устремиться к другому, решительным образом направить самих себя к другому. Завет – это сфера образования человека по парадигме любви, потому что именно в завете Бог учит человека иметь открытый ум, разум, который никогда не замыкается, ибо всегда готов признать Бога (Откр 21,7). Направиться к Богу означает направиться к свободной Личности, к Личности, которую нельзя ни обездыхивать, ни контролировать. В старшем сыне это отсутствует совершенно. Он, замкнутый в схемах своего мировоззрения труда, усталости, соблюдения законов, сравнений, предположений о заслугах, не видит дальше горизонта собственного Я. Поэтому отец совершает другой необычайный поступок, пытаясь сделать невозможное, чтобы вовлечь упрямого сына, чтобы вывести его из его замкнутости: *отец же его, выйдя, звал его* (ст. 28). Снова отец представлен в образе любви и милосердия: любовь страдает из-за отсутствующего, из-за того, кто далеко. Именно отец выходит из дома,

оставляет праздник и идет к сыну, который еще не познал себя как сына. Греческое слово, передаваемое как *звал* означает *призывать к себе, умолять*, но также *ободрять*, говорить *нежные слова*, а в страдательном залоге этот глагол означает *движимый состраданием*. Таким образом, мы сталкиваемся с истинным богословием отцовства: откровением отца, страдающего из-за того, что сын упорствует в своем рабском замкнутом поведении, не приобщаясь к изобилию любви. Отец, сжалившись, умоляет сына войти в любовь, признать ее тем, чем она является на самом деле. Именно в этом образе мы можем увидеть то, что повторяется от самого начала Библии до конца, образе, который больше чем всякий другой выражает религиозный вопрос человечества. Человек постоянно испытывает искушение выбрать другие пути, другие понятия, другие намерения, дабы компенсировать недостаток признания истинного Отца. Действительно, человек создал столько идолов, столько философских систем, столько отклонений, чтобы все же не войти в логику любви, не идти вперед умом любви!

Старший сын – это удивительно противоречивый образ: “верующий” безбожник. Он кажется человеком религиозным, но на самом деле он не верует, не признает другого. Он не выходит за пределы своих собственных умственных схем. Сколь трагичным может быть заблуждение в духовной

жизни, когда мы думаем, что наше мировоззрение совершенно, что мы праведны, но мы не строим отношений с Личностью Бога, с Пресвятыми Лицами Троицы. Можно заниматься богословием, но не знать Бога. Можно иметь христологию, но не видеть Христа. Когда системы и построения мысли возводят преграду Христу, который должен бы быть животворящей душой самих идей и учений, тогда религия может стать опасностью и даже угрозой для мира и сосуществования. Всякая вера рискует мистифицировать Бога до такой степени, что может потерять Его из виду, вплоть до того, что будет занята только учениями. Убрать с первого места Личность означает иметь главным образом самосознание раба, означает оставаться рабом собственных умственных разработок. Истинно верующий узнается по своему вниманию к личности, к жизни, к премудрой мысли. Старший сын занят своими делами, работает, но, по сути, он не умеет жить. Когда мы становимся рабами собственных правил, пусть даже святейших, мы перестаем жить, теряем связь с жизнью, с той, нормальной, которой живут все люди. Идеи, разработанные в таком случае, могут быть даже гениальными, но часто они совершенно бесполезны для жизни человека. Так очень легко оказаться в одиночестве, запертыми в стеклянных дворцах систем, привычек, установленных заранее правил (ср. Мф 15,1-9).

Не сын, ибо не свободен

*«Но он сказал в ответ отцу:
"Вот я столько лет служу тебе и
никогда не преступал приказа-
ния твоего; но ты никогда не
дал мне и козленка, чтобы мне
повеселиться с друзьями
моими. А когда этот сын твой,
расточивший имение свое с
блудницами, пришел, ты зако-
лол для него откормленного
теленка"» (ст. 29-30).*

Сын являет самосознание раба. Он исходит из того, что служит по всем правилам, верно, и что он из принадлежащего его отцу не истратил ничего, что тот сам ему не дал (ср. Мф 25,24-29), даже козленка, чтобы повеселиться со своими друзьями (ср. Мк 8,17-21). Угодническая религия – это горсть песка в глазах, которая заставляет думать, что мы в порядке, вместо того чтобы допустить, что ничего не видим. Здесь старший сын проявляет главным образом тот же характер, что и младший: пусть даже в моралистически и рационально скрытой манере, речь идет об упрямом сыне, который следует своей воле. Речь идет о человеке, замкнутом в своем мире, с претензиями,

с подавленными мечтами, с желаниями неосуществленными, но, по его мнению, заслуженно питаемыми. Поскольку в своем мире он покорен правилам труда и в этом постоянен и верен, то он считает себя вправе лелеять свои желания, вынашивать планы, питать надежды. Таким образом проявляется его меркантильное мировоззрение, совершенно противоположное мировоззрению любви. Отец не дал ему козленка, чтобы повеселиться с друзьями, потому что разделяет с ним все имение (ср. Ин 17,10; Ин 13,3). Старший сын не постиг, что все, принадлежащее отцу, принадлежит и ему, потому что еще не понял, что у него есть отец. Он выполняет приказания, законы, и поэтому ему причитается все, что он желает, даже если таким образом он причисляет себя к наемникам. Религия, основанная на рабском мировоззрении чистого соблюдения правил, является в основе своей поводом для того, чтобы лелеять самолюбие и утверждение собственной воли. Рабская культура, религия буквального соблюдения заповедей является предлогом для мировоззрения страстного и сенсуального. Старший сын проявляет себя как человек, который смотрит на радость с завистью, с желанием, но, когда от истинной радости его отделяет всего один шаг, его жесткое мировоззрение, находящееся в плену собственных позиций, не позволяет ему радоваться. Сочетание «раб – хозяин» допускает лишь убогую радость маленьких вырванных свобод, мельчайших разрешенных

уступок, крошечных розданных подарков. Категория «отец – сын» – это категория радости вновь обретенной личности. Мы радуемся существованию другого, любви другого; все творение становится даром этого отношения между людьми; и человек в этой радости взаимоотношений дружбы и любви чувствует себя свободным среди даров, среди всего творения (ср. Ос 2,21-25). Кто может быть другом старшего сына, если он не обладает самосознанием, присущим сыну? Такой человек, как он, может иметь свой мир отношений или с тем, кто, подобно ему, подчиняется правилам труда, – и тогда речь, скорее всего, идет не о дружбе, а о совместном труде, – или с тем, кто, развлекаясь, вместе ест и пьет. *Filia*, истинная дружба, – это настолько утонченная и совершенная любовь, что она достигает зрелости только в русле категории сына. Человек, даже если он совсем замкнут, создан так, что всегда принадлежит кому-то. В этой притче человека тоже можно было бы определить как “существо принадлежности” (ср. Ин 20,17). Представление, которое мы имеем о себе, ведет начало от того, кому мы принадлежим.

Все, принадлежащее Отцу, есть наше

«Он же сказал ему:
"Сын мой! Ты всегда
со мною, и все мое –
твое"» (ст. 31).

Старший сын особо подчеркивает, что не истратил ничего из принадлежавшего отцу, противопоставляя себя младшему сыну, который расточил *имение свое*. То, что отвечает ему отец, настолько потрясает, что нужна целая жизнь, чтобы постичь это. Что значит для нас, христиан, что все, принадлежащее Отцу, есть наше? В этих словах отца таится вся свобода сыновней и отцовской любви (ср. Ин 15,9-15). Младший сын взял то, что принадлежало ему, и остался ни с чем, потому что наложить на вещи отпечаток личностных отношений можно только в любви с отцом – источником всякой персонализации. Младший сын, вновь обретая отца, снова открывает для себя то, что его делает сыном и наделяет его властью сына, которая есть власть отца. Младший сын – дома, среди богатства, песен, плясок, потому что, потеряв имение, он вернулся мыслью к лику отца, в объятиях которого он вновь обрел все. Конечно, он уже не мыслит категориями того, что принадлежит ему и что нет. Старший же сын еще настаивает на вещах,

его логика еще слишком конкретизирована. Возможно, то, что говорит ему отец, остается непонятным. То, что принадлежит Отцу, принадлежит и Сыну. На этом утверждении основана большая часть христологии. Видящий Сына видит Отца, ибо Он и Отец едины. И именно это таинственное и недоступное слишком конкретизированному грехом уму единение лежит в основе нашего усыновления во Христе. Во Христе, неразделимо соединенном с Отцом, мы тоже приобщаемся к тому, что принадлежит Отцу.

Несомненно, речь идет о духовном пути, который ведет нас к любви Отца, к постижению того, что мы свободны и являемся его истинными сынами. Этот путь простирается от Пепельной среды до Пятидесятницы, проходя через Пасху. Речь идет об участии в благодати умения умереть для самих себя, отречься от собственной воли. В аскезе началом этого упражнения не является человеческое решение приобрести своими усилиями подобное умение. Умереть для самих себя может только тот, кто обнаруживает как свое самое сокровенное любовь Божью. Человек может умереть для самого себя и отречься от собственной воли только после того, как он испытает воскресение: мы можем отвергнуть самих себя потому, что во Христе, в крещении мы уже умерли и вместе с Ним воскресли. Когда мы отрекаемся от привязанности к нам самим, в нас происходит истинное обращение ума,

как будто мы переходим от одного уровня разума к другому. Когда мы предрасполагаем себя к любви, наш ум освобождается, и мир мы видим в структуре любви. Человек чувствует единение со всем существующим, прохаживается среди всего сотворенного, среди видимого и невидимого. Оставляя привязанность к себе и самоутверждение, мы входим в измерение любви, вплоть до того, что все, заключенное любовью в ее объятия, принадлежит нам (ср. Ин 12,26; 1Кор 3,22-23). Но возможность отречься от собственной воли и умереть для самих себя – это благодать тех, кто оказался жив, после того как испытал смерть. Оказаться живыми после смерти – это необходимый и основополагающий опыт для вхождения в агапическое согласие. Младший сын, пройдя стыд, крах и гибель, оказался в объятиях отца. Оказаться живыми после смерти означает быть собранными тем, кто прощает тебе (ср. Иер 31,31-34; Иез 37,11-14) именно то, что ты натворил по своей воле и что стало твоей погибелью, твоими унижением, смертью. Старший сын в притче не переживает подобного опыта. Именно поэтому он цепляется за свои суждения о ситуациях и людях. Действительно, кто, хотя и желая сделать нечто благое, никогда не испытал собственной слабости, своей греховности и бескорыстного прощения, тот легко может споткнуться, именно потому, что с трудом становится человеком истинной веры, действитель-

но открытым и смиренным. Но, как мы видели, именно смирение любви необходимо для того чтобы постичь свою сыновнюю природу. И именно этого мы не видим в старшем сыне.

Наш Бог - свободное соединение личностей

«...Надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся» (ст 32).

Отец, видя сына, обеспокоенного за вещи, пытается объяснить ему главное, что брат его нашелся, что радость его велика, потому что он вновь заключил в свои объятия сына, которого считал пропавшим, но эта радость будет полной, когда и старший сын возрадуется о вновь обретенном брате. Затем отец спешит объяснить ему, что его беспокойство о вещах напрасно, поскольку все то, что принадлежит отцу, принадлежит и ему. Действительно, главное желание отца – это иметь сыновей, а не рабов. Ибо отец является отцом, а его дом – истинным домом только тогда, когда в нем собираются братья. Но в притче не говорится о том, вошел ли сын. Не говорится, удалось ли милосердному

волнению отца убедить сына признать себя таковым пред лицом отца и братом рядом с братом младшим. В этом смысле заключительная часть притчи исполнена особого драматизма. Бог не может принуждать человека вернуться к Нему, жить с Ним, Он не может также заставить любить других. Определять благо и навязывать его всем, вынуждать всех делать то же самое – это, пожалуй, вечное искушение для человеческого ума. Но диктатура блага – это отрицание любви. Высшее благо – это любовь. Любовь же существует только при свободном согласии. А свободное согласие предполагает открытую и динамичную мысль. Но думать таким образом означает быть вовлеченным в драму любви, быть на пути к Голгофе и воскресению. Поэтому гораздо проще создать мысль, исходя из необходимости, логичности. В силу этого *via crucis* представления о любви человек легко воспринимает ясное, сильное, бесспорное. Но именно из-за этого он колеблется между диктаторским режимом и распушенной, либерально-анархической системой. Притча приводит нас к пониманию нашего времени как великой возможности вырваться из этой диалектики, чтобы встать на путь свободного согласия.

Бог Отец являет Себя в Сыне как абсолютную любовь, совершенно свободную и поэтому мученическую, поскольку отвергнутую. Но именно потому, что Бог Отец есть любовь, которая настолько радикально признает людей, что даже допускает

возможность того, что они отвергнут ее, Он может явить Себя в своей истине как безграничную любовь. И, таким образом, обнаруживается, что любовь, даже если умирает, – живет, даже если попирается, – блистает, сияет, подобно солнцу.

В конце притчи не говорится, принял ли старший сын приглашение отца или нет. Таким образом подчеркивается, что двойственность человечества, с которой мы начали наш комментарий, остается до конца. Но именно эта двойственность являет величие нашего Бога, который по сути своей есть Троица, то есть свободное соединение Лиц (ср. Ин 8,28-29; Ин 14,31). В момент Своего величайшего откровения, то есть в час распятия, наш Бог умирает среди двойственности людей, которая кажется непреодолимой: один разбойник признает Его, другой Его отвергает (ср. Лк 23,39-43). И все же именно это – моменты самого явного откровения единственности Бога нашего предания. Так как наш Бог, как мы сказали, есть Бог свободного соединения Лиц, Он не может воспроизводить в истории людей свой образ как единообразие, как вынуждение, как закон, одинаковый для всех. Свободное соединение – это тайна любви, но любовь – это изначальная основа личности. Поэтому над судьбой личности нельзя господствовать, нельзя контролировать ее в соответствии с последовательной логикой – она развивается по логике любви-агапэ. Чтобы восстановить личность, чтобы спасти ее, то есть вырвать из рук погибели и смерти, нужно окутать ее любовью.

Но окутать человека любовью означает идти на жертвы ради него, уступать ему место и коренным образом признавать его; а это значит умереть для самих себя ради того, кого мы хотим спасти. Если мы хотим спасти какого-то человека, не обязательно в итоге мы должны увидеть, как он идет по правильному пути, но, вне всякого сомнения, мы должны видеть, как умираем для самих себя, дабы он жил. Грешник, который приходит к пониманию греха через унижения, – это человек, отрекающийся от собственного мировоззрения и приходящий к осознанию себя как любимого сына. Сын, который прекрасно служит, делает все по приказу, который считает себя праведным, с законными притязаниями, даже пред отцом, глубоко взволнованным своей любовью к сыновьям, останется рабом. Спасение – это реальность, которая затрагивает личности, поэтому оно остается тайной. В спасении нет автоматизма, нет принудительной последовательной логики, оно остается непостижимой тайной (ср. Еф 3,9-13). В том, что касается спасения в этот исторический момент, переживаемый нами, притча нам предлагает классическую истину. Пасха состоит в том, чтобы пройти через смерть и вновь ожить в глазах Того, Кто любит тебя и прощает. Христос хотел спасти Петра, поэтому Он обратил на него взор, исполненный милосердной любви, не имеющей границ, в тот момент, когда Петр попирает все клятвы и испивал до конца чашу своего краха. Сам Петр, встретив взгляд Иисуса, благодаря этому взгляду восстает из могильной

бездны. Мы, желающие приобщиться к спасению мира, призваны дать почувствовать современным мужчинам и женщинам в нашем взгляде, исполненном любви, их воскресение из всех их неудач и грехов, из всех их смертей. Эта притча учит нас, что для того чтобы понять, что мы – сыны, нужно пройти через Пасху Сына, который предал себя в руки братьев, чтобы вырвать их из смерти и привлечь в объятия Отца.

Верной проверкой соединения с Отцом остается обнаружение братьев. Здесь возвращается весь рассказ о Иосифе и его братьях пред лицом Иакова. Религии пытаются запечатлеть в мире лицо их богов – притча говорит нам о том, что заслуживает доверие лицо сынов, признающих братьев. Кажется, что иногда еще возможно считать себя сынами, но мы с трудом признаем, что брат есть сын того же отца. Действительно, человечеству, разобшенному и замкнутому в собственном субъективизме, легче думать на основе политеистической парадигмы, потому что так каждого можно считать сыном и наследником, но не братом других. Бог Отец, единый Бог Отец не означает монистическое начало. Отцовство Бога Отца – это любовь, любовь и единение в совершенной свободе. Поэтому, когда мы исповедуем отцовство Бога Отца, мы исповедуем личностную агапическую основу Бога Троицы. По образу Пресвятых Лиц Троицы и мы, люди, можем свободно соединиться друг с другом в полном взаимном признании.